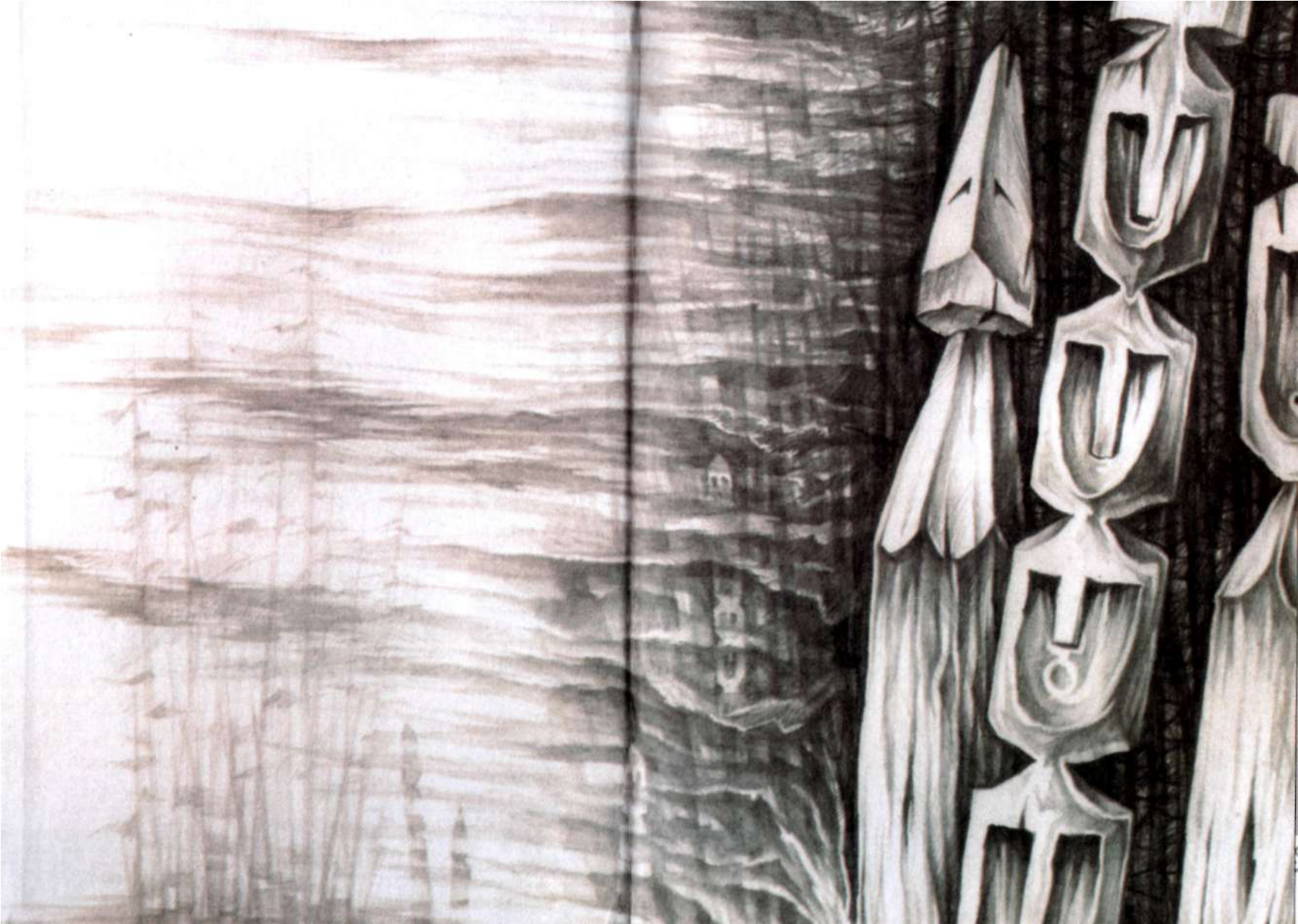
The background is an abstract, layered composition of faces. In the upper right, a light-colored face is partially visible, looking towards the left. Below it, a darker, more shadowed face is depicted, also looking left. The overall style is painterly and expressive, with soft edges and a muted color palette of greys, browns, and off-whites. The text is overlaid on these faces.

Валерий
Михайловский

**ДУШИ
НЕПРИКАЯННЫЕ**

*Поздравляю работников МО-95
с 25-летием предприятия.
Выражаю благодарность лично
Николаю Александровичу Смехову
за материальную помощь в издании книг.*

Автор

Валерий Михайловский

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

Книга 1

Екатеринбург

Средне-Уральское книжное издательство

2005

ББК 84.Р7
М 69

Художник Ю.А. Бычков

ISBN 5-7529-0772-1

© Михайловский В.Л., 2005
© Бычков Ю.А., ил., 2005
© Средне-Уральское книжное
издательство, 2005

ГОРИЗОНТЫ РЕАЛЬНОСТИ

О прозе Валерия Михайловского

Когда в 2003 году вышла очередная книга прозы Валерия Михайловского, она сразу же обратила на себя внимание читателей. Многим, интересующимся литературой Югры, захотелось узнать подробнее о творчестве автора из города Нижневартовска: ведь за два года до этого он стал лауреатом второй литературной премии Ханты-Мансийского округа за рассказ «Зимник», который и дал название этой, почти четырехсотстраничной книжке.

В предисловии к ней, названном символически — «На взлете», член Союза писателей России нижневартовец Николай Смирнов, пытаясь определить творческую манеру писателя, подчеркнул: «О коренных жителях территории автор глазами стороннего очевидца живописует так, что веришь безоголосно: это было на самом деле».

Сегодня, когда по-прежнему продолжают спорить о праве художника на вымысел, невольно убеждаешься — у каждого художника своя правда жизни, своя реальность. И если эта изображенная реальность волнует нас, заставляет сопереживать, то она нам становится близкой и расширяет горизонты реальности, которую изображает художник. Благодаря сочувствия делает любого homo sapiens настоящим человеком, а любого пишущего — настоящим писателем.

свете». Старого ханты упокоила, взяла под свою защиту тайга, сыном которой он являлся по своему рождению — и об этом заявлено уже с первых строк рассказа. Не случайно самым употребляемым авторским определением в адрес героев является словосочетание — «лесной житель». Усть Иванович — самое старшее поколение лесных жителей, которые никак не могут, а если говорить по правде, то и вовсе не хотят подстраиваться под железную поступь века: «шум ревуших двигателей и лязг железа со стороны очередной нефтяной вышки». Вот и стал напоследок своей честной и трудовой жизни «всегда гордый и уверенный в себе старый воин, прошедший войну», «старым и больным жителем леса», «беззащитным ребенком», беззащитным против всего того, что хлынуло с «материка» за длинным нефтяным рублем. Перелистнув последнюю страницу этого рассказа, вдруг понимаешь, сколько пережил человек: и суровую школу тайги, и войну, и смерть близких, а вот такая малость, как ложь, стала роковой для него. Может быть, не нужна нашему обществу такая новая жизнь, построенная на обманах-обещаниях от самого низа до самого верха? Ведь ложь стала всеобъемлющей, а для правды наступает испытание такой великой силы, что невольно начинаешь сомневаться: выдюжим ли? Сколько людей уже пало, сколько таких жертв повсюду? Сколько при жизни убитых этой «новой жизнью»! Страшатся ее сородичи Усть Ивановича — Кузьма, его жена Дуся. Их сын Павел, хоть мал, уже вдоволь хлебнул ее: «словно птенца, пойманного в силки, увезли его осенью в первый класс школы-интернат».

Трагедия коренного народа, по Михайловскому, заключается не в том, что ему предлагают иную, «комфортную» жизнь. Нет, дело в том, что в лесу, где когда-то был воздух чистый, стало трудно дышать: «земли мало становится». «Ведь как назвать землей залитые нефтью болота, озера, исковер-

канные «гэтэшками» беломошные гривы. Это уже не земля — это месторождение».

Боль за эту землю больше всего беспокоит и ханты-старожилка Усть Ивановича, и молодого, сильного человека Кузьму, который носит фамилию деда — Павла Ивановича Покачева, владельца родовых угодий, откуда ведет свое название современный поселок Покачи.

Образ Кузьмы проходит через новую книгу Валерия Михайловского. Имя его встречается на первой странице повести «Души неприкайные»: «Как-то позвонил Кузьма — мой старинный друг-ханты: «Приедет Егор, родня моя. Помогите чем сможешь». Вот и завязка новой истории, нового повествования.

Главная героиня повести — Полина. Собственно, с ее печали и начинается история. Она ищет мать, и суждено ей этому делу посвятить всю оставшуюся жизнь. Такова уж участь ее неприкайной души. Полине досталась нелегкая судьба, которую ей и предсказывала мать. А уж на материнскую долю пришлось столько мытарств, что не приведи Господь! Анна, мать Полины, рано осиротела, став самой старшей в семье. Она была отмечена необыкновенным даром провидения — «Торум коснулся ее чела!»: «Она все видела и слышала. Она с деревом разговаривает, оно отвечает ей. Она с травой шепчется, и трава ей рассказывает, от каких болезней что применять можно». И вот эта необыкновенная женщина, которая врачевала всех нуждавшихся в ее помощи, утешала добрым словом, как могла, вдруг сама попала в беду: схоронила трех братьев, которым стала второй матерью, потеряла двух мужей. Одно утешение — младшая дочь Полина, да ее собака Карай, которую девочка привезла из интерната. Их встреча после долгой разлуки — один из самых светлых эпизодов в повести: «Каждый радовался своему счастью». Без собаки одино-

кая, измученная приступами болезни Анна «шагу ступить не могла. И он без нее ни-ни. Куда она, туда и пес». Но похитили самого близкого друга. Зло опять пришло из края «чужаков», погубивших и близких ей людей. Круг замкнулся, жизнь потеряла смысл, но Анна все еще боролась, надеялась отыскать Карая, полноправного члена ее когда-то большой семьи. Да так и не нашла, не хватило сил дойти: погибла на пути к заветной избушке, где ждал ее обессиленный пес. Так, вмешавшись в судьбы лесных людей, цивилизация уничтожила многих из них, а тех, кто остался жив, сделала несчастными. Вот и сын Полины, Сережа, стесняется матери. У него теперь совершенно другие заботы, и он, возможно, станет городским жителем...

Повесть «Души неприкаянные» поднимает проблему старую как мир: столкновение нового и старого, необычного и привычного, души и машины. В просветительскую эпоху, с легкой руки Руссо, если рассматривать конфликт применительно к таким понятиям, как «цивилизация» и «природа», был распространен даже специальный термин — «естественный человек», — так стали называть тех, кого путешественники привозили в Западную Европу из заморской Америки... Новое время — новые песни, но противопоставление, столкновение интересов остались прежними...

И в повестях Михайловского противопоставление города обиталищам лесных жителей является одним из характерных приемов повествования. Рядом с природой ощущаешь себя совсем не так, как в городских джунглях: даже в лае собак «не чувствовалось той оголтелой ярости и ненависти к человеку, как у дворняги, сидящей на цепи». Что говорить тогда о людях? Не все, конечно, так плохо в городе, но есть существенные отличия, говорящие не в его пользу. Младший брат Анны Егор сочувствует тесноте городских: «Тесно как лю-

дям», «Как найдешь тут человека?», «Смотрят друг на друга, а лица не видят», «Места мало», «Как земля может прокормить столько?»; сам он в городе как рыба, выброшенная на сушу.

Мысль о том, что город рассадник зла, высказывают многие персонажи книги. В тех же «Душах неприкаянных» бабушка Ефросинья, рассказывая Полине об ее отце, говорит: «Папа твой хорошим человеком был, в город уехал, маму твою звал... Машина убила его. Их там, в городе, мно-о-го, больше, чем людей, однако». Военная машина Афганистана перемолола брата Анны — Якова. Образ железной машины — огромной зеленой металлической лягушки — предвестник будущей трагедии в судьбе Анны и ее дочери Полины. Люди, приехавшие на этой машине-вездеходе, вызывают в повествователе тревогу. Он, словно попав «на одну волну» с героиней, то пытается заставить себя не думать плохо о случайно встретившихся Анне нефтяниках, то, словно подслушав авторский замысел, видит во всем происходящем знак надвигающейся беды. «Пришельцы», «чужаки» — такое отношение рассказчика к нефтяникам-«сеймикам» дружеским не назовешь. Он, представляющий самую гуманную профессию на земле, не может быть равнодушным не только к физическим страданиям, но и к моральным. А самыми слабыми, самыми незащитными, по его мнению, являются на этой земле те народы, что издревле ее населяют. Он хороший доктор прежде всего потому, что, ставя диагноз, видит источник болезни времени в измученных, неприкаянных душах героев. Поэтому его товарищи ханты доверяют ему во всем, но, к сожалению, и он не всемогущ. Никто не слышит голосов таких людей, как Кузьма, Усть Иванович, Анна, Егор, Полина или Ефим. Участь рыбака Ефима Тылчина не менее трагична — не выдержало сердце, когда последний олень ушел из ново-

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

ПОВЕСТЬ

Глава I

Будильник почему-то не прозвенел, но я точно помню, что на ночь заводил. Проснулся от того, что визгляво и заливис-то взлаяла дворовая собачонка — всеобщая иждивенка, всем до боли надоевшая, но вызывающая своим облезлым видом всенародное сострадание. В открытое окно на втором этаже все уличные звуки летят абсолютно беспрепятственно, и показалось, что собачонка подвывает прямо под кроватью. Сон оборвался на чем-то интересном, и от такого собачьего беспардонства сердце забилось торопливо, душа затревожилась. Стрелка стыдливо указывала на семь часов. Вчера еще казавшаяся благом свобода, сегодня показывала свои зубки. Жена с детьми уехала в отпуск, и подстраховки нет. Впервые тепло подумал о вечно вшивой собачке: спасибо, разбудила. Через полчаса нужно быть в гостинице на другом конце города. Мои таксы наконец тоже проснулись и дружным лаем ответили своей старой подруге, регулярно дарившей им блох, а заодно и ежеутреннюю зарядку в виде вычесывания этих вечных скиталиц.

Кран горячей воды засипел, втягивая в себя воздух. Я только теперь вспомнил вчерашнее объявление: «В связи с ремонтными работами... отключение горячего водоснабжения с 7 час. до 17 час.». Пять минут назад отключили. Наспех по-

чистил зубы ледяной водой, решил не бриться. Душ тоже отменялся.

На ходу оделся, прогулял собак, отцепил ошейники, хлопнул дверь, выскочил на улицу.. Ключа от машины в кармане не оказалось... Забыл в кармане другого пиджака. Что за чертовщина? Ну и день начинается. Уже сбегая по ступенькам с ключами в руках, вспомнил, что вчера барахлил мотор. Настроение стремительно портилось. Оставалось десять минут.

Мотор запустился с полоборота. Давно уже я не слышал такой чистой работы капризного в последнее время двигателя.

Странно...

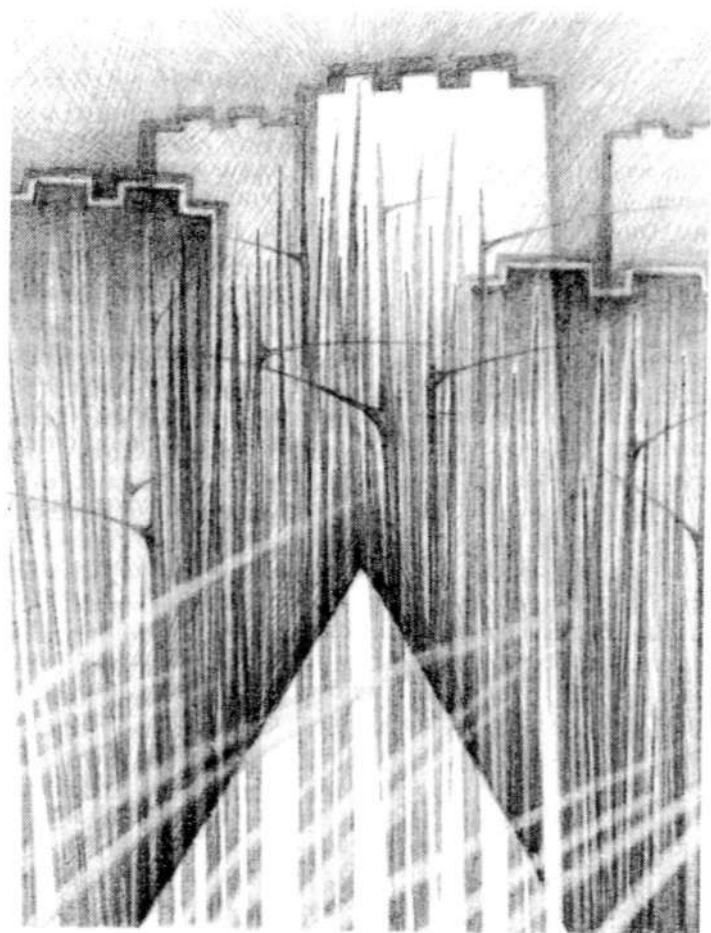
...— Начнем с железнодорожного вокзала, — я включил правый поворотник.

— С вокзала, так с вокзала, — с тихой покорностью сказал мой попутчик Егор.

Как-то позвонил Кузьма — мой старинный друг-ханты: «Приедет Егор, родня моя. Человека найти нужно. Помоги, чем можешь».

Больше он о Егоре и его нужде не распространялся. Просто: «помоги, чем можешь, родственница потерялась». Кузьма человек таежный, лесной, тратить много слов не любит. Ни к чему шлепать попусту губами. Сам Егор скажет. «Маленько рыбачу, маленько охочусь. Дуся, Паша привет передают», — вот и весь разговор. Еще спросил, когда приеду — пески помочь почистить да поневодить, рыбки на зиму готовить. «Жир маленько растрясешь», — непременно ушипнет. Хоть и не говорун Кузьма, а на язык остер.

На вокзале ее не оказалось. Я почти был уверен, что вокзал — это затея пустая. Некуда ей по железке ехать, но проверить для полноты сведений, как говорится, нужно. Вот аэропорт — это дело другое. Вертолетная площадка ей знакома.

Речпорт тоже. Я уже мысленно выстроил маршрут через город: речпорт, городской парк, рынок, центральный универсам, аэропорт..

— Может, она не в Вартовске? — попытался я выведать, что известно Егору.

— Наши люди видели ее здесь, — Егор медленно достал сигарету, заложил ее за выпяченную нижнюю губу. — Сестра еешная здесь живет, племянница, значит, тоже моя. Дядя я им. Они, правда, давно меж собой не знают. Сестра-то, Светка, городской стала, в конторе где-то работает — начальник. А Полина что — уборщицей на почте. И то уволили, как с ней вот эта беда-то приключилась. Мать их старшая у нас была, потом я, Спиридон, Тихон, Яков. Никого уже не осталось: все в нижний мир ушли. Один топчусь еще. Мать-то ее Анной звали. Вместо матери у нас после смерти родителей осталась. Всех на своем горбу вытащила и похоронила всех. Не приведи Господи кому такую долю.

Молчаливый поначалу Егор, потихоньку раскоचेгарился. Речь его текла складно, говорил он почти без акцента, слегка смягчая звонкие гласные, и меня его рассказ, что называется, «зацепил» за живое. Он делал длинные паузы, двигался дальше сначала робко, словно нащупывал невидимый глазу занесенный снегом путь, затем голос его набирал привычные обороты и непрерывным тихим бубном, перебивая уличный шум, глушил мотор и все вокруг. Я не просто слушал, я видел его рассказ в красках, в многозвучии жизни, мне порой казалось, что я там. Он был талантливым рассказчиком, не отвлекался на мелочи, хотя мелочей в такой истории не могло быть. Каждое слово впечатывалось в мою память. Мне показалось, что Егор давно хотел поделиться с кем-то горем, излить тоску, переполнившую его истерзанную душу. Я ока-

зался благодарным слушателем. Занятый вождением машины и пораженный услышанным, я лишь изредка позволял себе прервать Егора.

В речпорту видели Полину пару дней назад. Да, кассир, полная неразговорчивая женщина, помнит: ходила здесь молодая хантыйка. Вроде как «не в себе». Потом до ночи сидела вот там на скамейке. Напоили ее чаем. На ночь зал закрыли, и она ушла в город. Милиция уже интересовалась.

Ищут.

Неделю милиция всего района и города разыскивает Полину. Из деревни уехала она на апарельке — самоходной барже... Люди видели ее простоволосую, нетвердо стоящую на ногах у пристани. Апарелек прошло много — сезон, и на какой ее увезли, никто сказать не мог. Говорят, что останавливалась самоходная баржа с досками. Кто-то слышал, что музыка громко играла.

— А больше ничего не знаем. Милиция спрашивает, — а кто его знает? Каждый своим делом занят: кто в лесу, кто на рыбалке, кто по хозяйству.. — Егор уже обвыкся и успевал на ходу озирать городские пейзажи, всматриваясь в толпы прохожих. — Тесно как людям. Места мало, — ворчит он. — Вон там, в лесочке, посмотреть нужно. Здесь она могла ночевать.

Я сделал недоуменное лицо, пожал плечами, однако перечить не стал. Остановились у городского парка. Стройные березки, высаженные человеком в определенном порядке, просматривались далеко. Лишь в одном месте на самом краю густились кусты ивняка и мелкие деревца, насеявшиеся, как им вздумалось, образовывали затененный угол. Егор напрямую, не обращая внимания на песчаные дорожки, ссутулясь, направился туда. Интуиция ему подсказывала, что искать нужно именно в том углу.

— Ночевала она здесь. Только не сегодня, — Егор шевельнул рукой примятую траву, тронул пустой прозрачный пакет с остатками хлебных крошек. — Городские много мусора оставляют.

Глава II

Анна после смерти родителей замкнулась. Из веселой беззаботной девочки-подростка в одночасье превратилась в молчаливую и угрюмую женщину, обремененную заботой о своих младших братьях. Детство ее закончилось в четырнадцать лет. Еще вчера у нее было все: и ласковая мама и всеми уважаемый, добрый отец, и любимые братики и сокровенная мечта, о которой она сказала только маме, — стать учительницей.

Сердце начало тревожиться, уже когда мать с отцом не приехали ночевать. Такого не бывало: отец, обневоленный тайгой с детства, всегда приходил в означенное время, чтобы не тревожить жену и детей. Соседи утром собрались на Большое болото искать: трудно объяснить ночевку на ягоднике, что в двадцати минутах ходу на обласке по старице, да еще среди лета.

Не успела соседка тетя Фрося подобрать слова, чтобы сообщить страшное, а земля под ногами Анны колыхнулась, и она провалилась в пропасть...

— О, боги небесные! И ее не обошла трясучая! — Ефросинья подхватила ослабевшую Анну, уложила на полати. Тело Анны вытянулось, содрогнулось страшной судорогой. — Уходите на улицу, — прикрикнула она на мальчишек.

Давно уже ведется так, что хоть одну дочь, да отметит Торум своей страшной меткой в их роду. Словно проклятье ка-

кое или наоборот... Кто судить может волю Богов? Люди рассказывают, что так было всегда. Род их идет от знаменитых шаманов: о них и легенды передаются от старых к молодым. Помнят еще рассказы про великого шамана Кармина Константина — прадеда Анны живущие на берегах древнего Ваха сородичи. Красные погубили... Не смог расстаться со своим бубном... Ефросинья его помнит, хоть и маленькой была...

Мать Анны Евдокия Кармина, страдающая «падучей», боялась, что и дочери передалась эта болезнь, но припадков у Аннушки не было. Она росла здоровой девочкой, хорошо училась. Евдокия радовалась: она могла смело смотреть Афанасию, своему мужу, в глаза, не боясь укоров.

Прospала Анна до следующего утра. Сон ее был неспокоен. Сутки металась в жару.

...Унесло ее в упряжке из семи оленей с шаманом Григорием Прашиным в неведомую даль. Выше деревьев летят олени, огонь из-под копыт высекается. Уже с луной сравнялись. Звезды рядом мелькают, золотом-серебром блестят. До большой реки Ась домчались. Лентой река тянется в сторону полуденного солнца и в другую — холодную сторону тоже. Развернулась упряжка, на свет, в сторону полуденного солнца полетела вихрем. Больно глазам сделалось. Река внизу то в сторону восхода солнца повернет, то в сторону захода. И так семь раз по семь и еще семь раз. Долетели до места, где Большая скала посередине высится, реку на две части делит. А на той скале капкан большой стоит. Крикнул шаман: «Бросай что-нибудь в капкан, как бы самим не угодить». Достала Анна большую щуку из сумки, бросила, капкан закрылся.

Долетают до самой большой горы — Алле-пеле-чив-ех. На ней лица знакомые, тех, кто умер давно, и тех, кто покинул

мир людей недавно. И они спрашивают: «Кто вы, куда летите? Какие помыслы ваши?» Отвечает шаман: «На большой реке Вах живем. Зверя, птицу промышляем. Оскудела земля. Богатые земли посмотреть охота». «К Большому старику — Алле-Ике летите!» — слышат они вдогонку.

Помчались как ветер дальше. Долетают до большой долины средн высоких гор. Серебром блещут горы, словно золото льется с высоты. Подлетают к золотой юрте самого Торума. Спускаются шаман Григорий и Анна с нарты, набираются смелости и заходят в юрту. Давай кланяться, давай молиться. Молились, молились и говорят: «Там, где мы живем, птицы, рыбы, звери перевелись. Люди хворают, до срока умирают. Где, скажи, есть земля богатая, где люди живут, не зная болезней и где горя не знают».

Торум тогда и говорит: «Я смотрю на землю. Сам знаю, где зверю бегать, птице летать, где рыбе нереститься: кому как жить, кому хворать, кому здороветь. Ступайте домой, скажите, что все хорошо будет».

Слушают шаман с Анной, низко кланяются старику.

Подошел тогда седой Торум и погладил голову девушке. Ничего не сказал, только пристально в лицо посмотрел Анне.

Выходят из юрты, садятся на нарты. Вскрапнули олени, паром дыхнули в стороны, помчались обратно, ветер обгоняя.

По солнцу, по месяцу летят, семь поворотов по семь раз делает Большая река Ась и еще семь.

Летят быстрее, чем стрела, пушенная из тугого лука, быстрее ветра летят. Видят внизу: озера маленькие бисером синим рассыпаны, реки тоненькие, как ниточки. Ниже спускаются — озера как куженьки кажутся, реки лентами стелятся. Шаман и говорит: «Вот река наша Вах». Спустились ниже — озеро огромным стало, река необъятная, конца и края

— Услышал Торум мою молитву! Услышал! — уже громче зазвучал голос шамана. — Она там была! Она видела Торума!

— Мы вместе там были, — прошептали бледные губы Анны.

Анна узнала шамана, с которым летала на оленьей упряжке о семи оленях.

Отец часто рассказывал о нем, об исцелении Егора. Анна узнала бы его из тысячи, хоть воочию не видела ни разу. Только седины меньше было у того, что летал вместе с ней. Теперь же белым он стал, как снег. Не могла знать Анна, что побелел он окончательно за последнюю ночь. Неистово молился он Богам, падал в изнеможении на земляной пол, теряя голос от курева и бесконечных песен; ноги подкашивались, терялся рассудок, но шаман верил в пробуждение Анны. И оно пришло.

— Она видела Трума! Боги избрали ее! Торум коснулся ее чела! — шаман вскочил на ноги и начал свой танец.

Огонь в чувале колыхнулся. Тень шамана залетала по стенам, изгибаясь черными чудовищами. Дверь вдруг распахнулась от резкого порыва ветра, впустив посеревший от темных туч свет. Сверкнула ярко молния, ослепив своим серебряным блеском, и раскат грома оглушил присутствовавших.

— Кедр загорелся! Большой кедр загорелся! Боги зажгли его! — кричали люди.

Все люди селения выбежали на улицу и смотрели на полыхающий кедр на высоком берегу Ваха. Григорий с бубном в руках кружил уже на улице и все повторял скрипучим голосом: «Она там была! Торум коснулся ее чела!»

Молния еще и еще сверкала, разрывая своим блеском тяжелое небо. Гром раскатисто громыхал, удаляясь за реку, за дальние болота. Радуга на востоке выгнулась огромным лу-

ком, упиравшись одним концом в озеро, другим в свинцовый Вах далеко за поворотом. Ливень лил сплошным потоком, но никто не спрятался. Всех заворожило и потрясло это величавое зрелище: горящий кедр и яркая радуга над полыхающим факелом.

Потом долго не шел сон, и только с рассветом Анна снова забылась. Разбудил ее какой-то шум в избе и резкий хвойный запах. Для нее навсегда остался этот запах кедра запахом смерти. Дверь была открыта. Анна словно сквозь туман видела, как подходят к стоящим гробам, сделанным из цельного кедрового ствола, люди их селения. Приехали и с других стойбищ. Каждый подходящий поднимал один гроб, потом другой веревкой и неизменно повторял: «Еще можно было тебе пожить, зачем умер». Никто не сказал: «Ну, видно, пришло время умирать», как говорили обычно умершим старикам или тем, кого унесла тяжелая болезнь.

Не заметила Анна, как похоронили родителей, не заметила, когда разошлись люди. Не помнила, как помогала Ефросинье подавать еду на стол. Не помнила она, как допоздна мыла посуду, прибиралась в избе. Только две рюмки, стоявшие сиротливо в стороне, притягивали ее взор. Еще долго стояли в глазах те две рюмки, накрытые одной краюхой хлеба...

Вдруг стало тихо и одиноко.

Пустота.

Плакать не хотелось.

Слезы кончились.

Она укрыла легким одеялом Яшку и Тихона, поправила подушки Егору и Спиридону, погладила каждого, как делала мама.

...Тот день для Евдокии и Афанасия начинался обычно: снарядили они свой облас, собираясь за морошкой. Вокруг

стойбища старики собирают, а кто помоложе и в силе еще, обычно за рекой, за старицей ягоду берут. Уже стали приставать к берегу в своем излюбленном месте, как вдруг встал из-за коряги огромный медведь и бросился на облас. Успел заметить Афанасий, что голова у медведя в крови. «Раненый!» — мелькнуло в голове. Времени на раздумья не было. Он спрыгнул на песок и с силой оттолкнул облас от берега. Жену бы спасти, сам он уже ни на что не надеялся: нож против разъяренного зверя шансов давал мало... Евдокия видела еще, как сверкнул металл в руках Афанасия, она услышала глухой рык зверя и отчаянный крик своего мужа... Не выдержало сердце Евдокии кровавой схватки... Уносило бездыханную течением все дальше и дальше от ее суженого, истекающего кровью под крутояром, пока не вынесло облас на пески далеко от селения.

Нашли через неделю еще два вздутых трупа русских мужчин ниже по течению за поворотом. И еще один раненый объявился в Ларьяке. Он и рассказал, как они с друзьями погуляли на природе, как увидели плывущую через реку собаку. Только приблизившись, поняли, что это медведь. Течением лодку понесло прямо на медвежью голову. И тут кто-то схватил топор, ударил с размаху... Расплата пришла сразу.

Глава III

Я с трудом нашел свободное место и припарковал машину у самого входа на рынок.

— Ох, сколько народу! — Егор отмахнулся рукой. — Как земля может прокормить столько?

Я подошел к пожилой женщине, торгующей всякой мелочью: вязаными носками да варежками, узнать что-нибудь о Полине. Встречал я эту женщину и раньше на этом месте. Ничем помочь она не могла. «Столько народу, что не запомнишь всех, кто проходит мимо». Другие торговки отвечали так же. Мы обошли все шашлычные. Там тоже не видели женщины с нашими приметам. Егор морщил лицо, что-то ворчал себе под нос. Видно было, что ему не нравится ходить по рынку, толкаясь локтями. Он часто отставал, пропускал вперед то одного, то другого и ждал, видимо, что и ему уступят дорогу. Но этого не случалось, и он робко протискивался в плотной толпе.

— Ар-ях — много народа! — покачал головой Егор. — Как найдешь тут человека? — он потрогал жидковатые с проседью усы. — Смотрят друг на друга, а лица не видят. Как тут найдешь? Не будет она тут толкаться, — подытожил он.

Я методично объезжал все улицы, держа направление в сторону аэропорта. И времени для рассказа у моего попутчика было достаточно.

— А на следующий день после похорон пришла тетя Фрося к нам, — не теряя нити повествования, продолжал Егор, как только уселся в удобное сиденье. — Помню, Аня подошла к ней, посмотрела так внимательно и говорит: «Тетя Фрося, в город поезжай, доктору покажись. Болезнь у тебя. Только спешить нужно». Я хоть маленький был: кого там, девять лет мне тогда исполнилось, а и то спужался, как на тетю Фросю-то глянул. Побледнела она, губы затряслись. «Елта-ку! — ворожит человек», — крикнула она и выбежала на улицу. «Елта-ку! Елта-ку!» — закричала она и побежала от избы к избе. А к доктору она ездила, операцию сделали. Не от этого померла — от старости.

— А что было у Ефросиньи? — поинтересовался я.

— Ты все равно не поверишь, — Егор достал сигарету, стал разминать ее, засопел, словно обиделся. Я почувствовал, что он все же собирается что-то рассказать, и выдерживал паузу.

— Вы городские ни во что не верите, а доктора и вовсе, — он посмотрел на меня, чиркнул спичкой, прикрыл огонь ладонями, как прикуривают на ветру, вытянул нижнюю губу и выпустил один, другой клубы дыма.

Я делал вид, что занят вождением машины, и не торопил его. Егор еще немного помолчал, попыхтел.

— У наших такое бывает иногда. Мы в лесу живем. Бывает, воду из болота пьем. Вот и Фрося попила болотной воды и вместе с водой проглотила лягушонка. Лягушонок стал в животе расти. Большой вырос, однако. Что она ни поест, лягушонок прожорливый все съедает. Вот и стала она худеть, а лягушонок растет и растет. Анна и увидела его. Она насквозь всегда человека видела. Как рентген ваш. Вот как у нее получилось-то после смерти родителей! Прямо экстрасенс, как сейчас говорят. Я вот телевизор смотрю и думаю: «Пустые вы люди. Все болтаете больше». А она все видела, все слышала. Она с деревом разговаривает, оно отвечает ей. Она с травой шепчется, и трава ей рассказывает, от каких болезней, что применять можно. Вот как! Сделали операцию Фросе, вытащили лягушку: большую — с кулак. И все — поправилась. До старости дожила.

Голос Егора звучал негромко, но так вгрызались слова в мою душу, что не слышно уже ни звуков двигателя, ни городского шума. Мне чудится шелест листвы, я слышу завывания ветра и плеск воды. словно не колесил я в своей «Ниве» по многолюдному городу, а неслышно ступал по мягкому ягельнику вдоль красавицы реки ясным сосновым бором. Ходил по песчаным улицам селения, слышал незлобивый лай собак, негромкий говор обитателей. Где-то вдалеке дробно бубнил бубен.

С этого времени стали приезжать к Анне со всей реки. Поверили люди в чудодейственную силу ее.

Ездил она к Григорию Прашину. Сам за ней прислал: «Хворый я стал, да и старость меня книзу гнет. В нижний мир собираюсь», — передали ей.

Анна уехала к нему. Долго у него жила. Никто не знает, какие слова говорил он Анне, о чем песни пел старый шаман. Только приехала она домой с бубном шаманским — коем новым, одежду привезла: шапку шамана — елта-мюль, отороченную мехом росомахи, расшитой шестью бисерными полосками, по шапке ящерицы вышиты. Халат — елта-лепа до пят с богатой вышивкой бисером. Рукавицы шамана — елта-пас из кожи медвежьих лап с когтями и ноговицы — елта-нир — все сделано своими руками. Говорят, и медведя сама добыла, чтоб рукавицы сделать и амулеты. Приехала худая, бледная: кожа да кости. Только в глазах неведомый доселе блеск появился.

Старый шаман еще пожил немного и умер тихо. Никого после Анны не пускал к себе. Никого больше не видел до самой смерти. Гроб-колоду кедровую успел себе сделать. В ней его и предали святой земле.

Случился с Анной как-то очередной приступ. Трясло в этот раз крепко, проспала она долго, а когда очнулась, сказала: «Григорий Прашин помер. Хоронить поедем». Все, кто мог передвигаться, собрались хоронить старого шамана. Двенадцать лодок отчалили от берега. По дороге еще народ присоединялся. Слух быстро разлетелся: «Шаман умер Григорий Прашин. Сама Анна хоронить едет».

Глава IV

Скоро замуж собралась Анна. Время пришло. Муж звал к себе в верховья, но она не согласилась покинуть родительский дом, и решили молодые начинать свою семейную жизнь на насиженном месте. Дом-то просторный, на большую семью рассчитан, да и поставил его Афанасий не так давно.

Прокопий добычливым охотником был, да и по хозяйству проворный. Жизнь наладилась, появился и достаток. Братьев Анны Прокопий как своих принял. Егор — самый старший, к тому времени седьмой класс закончил, младшенький Яков только собирался в школу.

Одно огорчало Анну — падучая докучала. Прокопий знал о недуге своей будущей жены еще до женитьбы, но полюбил он свою Анну всем сердцем.

Она редко ходила в лес, редко собирала ягоды, не могла сопровождать мужа на охоте и рыбалке, как делали другие жены. Все свое время занимала хлопотами по дому.

Как-то она заметила, что хворь отступила. Солнце заиграло ярче, изба словно раздалась и посветлела, какая-то тихая радость зародилась в ее душе: она забеременела... До самых родов болезнь не проявилась ни разу. И пока кормила грудью своего первенца Никиту — тоже. И вторая беременность тоже прошла благополучно. Анна легко рожала свою девочку. Назвали ее Светланой. Родилась она хоть и зимой, но в светлый солнечный день. Свет и радость принесла в дом.

— Мне хоть каждый год рожай: ни разу не трясло. Я чувствую себя совсем здоровой, — как-то смеясь, сказала она своему мужу.

— И по мне хоть каждый год. Лишь бы тебе хорошо было, — Прокопий нежно прижал к себе Анну. — Прокормим. Руки-ноги на месте, что еще нужно.

Но прошел еще год, другой, а больше забеременеть Анна не могла. Может, сказалась простуда. Даже в больницу попала как-то. Всем могла помочь Анна, попросить у Торума благодати для кого-то ей не сложно, а себе — сколько ни просит — молчат Боги.

Не помогают молитвы.

Не помогают жертвенные подношения.

Не помогают заклинания и увещевания.

Тягучая материнская песня тоже не помогла.

Посмурнела Анна, но виду старается не подавать. Замечать стала, что проявляется хворь, когда на душе тяжело. А без горестей-нечадей жизнь разве бывает? Каждому своего хватает. И ее дом тоже стороной не обходит.

Прокопий стал выпивать. Сначала редко. Анну даже веселило поначалу, когда он, подвыпивший, плохо владел языком или, шатаясь, не мог попасть ногой в сапог.

Теперь не до смеху... Дети уже в школу пошли, все понимают, да и присмотр за ними нужен. Хозяйство в запустение приходит.

Заболел тяжело Прокопий. Пьяным нашли его в снегу чуть живого. Не стало хозяина в доме. Тяжелая болезнь сломила его. Стонет тяжело, ворочается ночь напролет, а чуть утро забрезжит, смотрит, где бы вина достать, залить горе. На плечи Анны снова легли все тяготы нелегкого лесного быта. Егор и Спиридон, помня сестринское добро, помогали. Где рыбой, где дичью поделаются, дров на зиму заготовить помогут, да и мало ли в чем нужно подсобить. Живут-то рядом. У них свои семьи, своих детей уже прижили.

Прокопий чахнул на глазах и скоро умер незаметно. Также тихо похоронили его. Потужила, поплакала Анна: было же у них и светлое время. Плохое забылось.

Глава V

В аэропорту диспетчер Валентина глянула-стрельнула голубыми глазами:

— Во вторник была Полина здесь, бродила, как неприкаянная.

Оказывается, диспетчер знает Полину давно, еще школьницей помнит ее.

— Я место ей сделала. Народу-то сам знаешь, сколько бывает на вертолет, — обращалась она к Егору. — Ни за что не захотела улетать. К сеструхе, говорит, пойду. Мама, говорит, у нее гостит. Я говорю: «Умерла твоя мама, поезжай домой, тебя муж ждет», а она свое: «Маму искать буду». Чаем ее напоила, накормила, хлеба, печенья с собой дала... А теперь вот каждый день милиция ее ищет. Куда ушла, не знаю. И зачем приходила, тоже не пойму. Прямо как неприкаянная... — повторила она.

Егор потускнел. Я тоже рассчитывал, что в аэропорту найдется ниточка.

— Не расстраивайся. Обратное поедем другой дорогой, еще поищем, — попытался я хоть как-то поддержать Егора.

— Расстраивайся не расстраивайся, найти нужно ее — завтра вертолет. Потом торчи тут неделю, а мне в тайгу уходить нужно: осенью каждый день дорог, так что найти ее нужно... Все равно найдем, — в его голосе я уловил уверенность, которой у меня уже не осталось.

Я предложил пообедать в буфете аэропорта. Он согласился, и мы уселись за угловой столик. Больше никого в буфете не было, и за обедом Егор продолжал свой рассказ.

...Потянулись бесконечные будни. Ни праздников, ни выходных. Каждый день друг за друга цепляется, и нет им конца. Приедет кто издалека за помощью к Анне — она обряд шаманский справит, полетит то на оленьей упряжке, то на

своей любимой доченькой. Везде вдвоем: за водой к ручью идет Анна — и Полина рядом. Дрова колет мать, дочь полешки собирает и складывает ровненько в поленницу. Мать шитье возьмет, и Полина за иголку берется. Упадет Анна в беспамятстве, дочь подбежит, подушку под голову подоткнет и сидит рядом, пока не отпустят тело матери страшные судороги, или позовет бабушку Фросю. Та уж знает, чем помочь маме.

— Не страшно тебе, Поля? — спрашивает седая старушка.

— Нет, бабушка, не страшно. Жалко маму. Ей больно?

— Сейчас не больно.

— А есть лекарство, чтобы вылечить маму?

— Нет такого лекарства.

И пока не проснется Анна, не уйдет Ефросинья домой, как со своей родной внучкой, нянчится.

— А почему у меня бабушки и дедушки нет? — спросит Полина.

— Тебя еще на свете не было, умерли они. Дед твой Афанасий бабушку Евдокию, жену свою, спасал, в лапы медведю сам бросился, а у ей сердце слабое было... — к горлу старухи подкатит ком, не дает дальше рассказывать. Полинка притихнет, округлит глазки. Страх ее берет.

Ефросинья подбросит в чувал дров и начнет рассказывать про дедушку Афанасия и бабушку Евдокию. Как жили когда-то, каким знатным охотником был дед и какой мастерицей бабушка ее была: на весь Вах славилась умением бисером вышивать.

— Мама твоя у своей мамы, твоей бабушки, научилась узором разным, и ты научишься.

— Я уже маленько умею. — И Полина достает платьице для куклы, сделанное своими руками. — Дядя Егор куклу обещал сделать.

Глава VI

Проводила Анна в армию своего первенца, уехала Светлана в город. Не вернулись больше они в родной дом. Никита после армии осел в Новоогагнске. Старшая дочь окончила бухгалтерские курсы, поступила заочно в институт, и скоро назначили ее главным бухгалтером. Только однажды она придет в родную деревню: на похороны своей матери. Будет она рыдать и просить прощения, что не нашлось времени поговорить с мамой. Только деньги присылала да гостинцы к праздникам. Все деньги нетронутые нашли потом в сундучке, перевязанными веревочками и аккуратно сложенными: и те, еще старые дореформенные, и те, что менялись, приобретая и теряя нули.

Сын Никита навещается в отчий дом каждое лето.

— Хорошая у тебя жена, — говорит Анна, выглядывая в окошко. Там, под навесом, Ирина управляет с крупной рыбиной. — По-нашему шуку чистит. Научилась.

Ирина ловко подрезает острым ножом чешую, вспарывает рыбину, нарезает ломтиками для жарки. Рядом бегают маленький Ромка. Анна души не чаёт в своем внуке, и он любит слушать ее сказки. Только солнце садится за реку, а он уже тут как тут:

— Расскажи, баба, сказку про зайчика.

— Слушай, пухие, мальчоночка мой, — усядется возле окошка Анна и начнет сказку про зайчика.

— Не так, — поправляет бабушку внучек, — вчера ты не так рассказывала.

— Так то вчера было. День прошел, с зайчиком уже другая история приключилась.

— А где зайчик живет?

— Там, за ручьем... Завтра я тебе покажу, где он спит. Там и пух его есть, и тропинку его покажу. След от его лапки остался.

— А лисичка тоже там живет?

— Лисичка за урманом в норке. Вон в той стороне, — махает рукой Анна.

— В другом лесу?

— Сказка в нашем лесу живет, — говорит Анна и смотрит на Полину. Мол, Полинка знает.

Дочь тоже слушает. Она удобно устроилась на оленьей шкуре. Ромка прижался к ней и не сводит глаз с бабушки. За бабушкиной спиной слабо подмигивает темнеющее окошко.

Мальчик прислушивается к шелесту листвы, к шуму летнего дождя.

Сказка рядом живет...

Побагровела первая осинка на том берегу ручья, порыжело болото. Дожди зачистили нудными серыми космами, небо потяжелело, вышвело, потеряв свои веселые летние краски. Завтра все уедут. Полина в школу-интернат собирается — выросла, окончила начальную школу. Вон уже и ранец с книгами надулся у окна. У сына заканчивается отпуск.

Анна уложила уснувших детей, открыла дверь проветрить избу, подложив полено, чтоб не закрывалась — душно стало от печки. Села у окна и уже не видела и не слышала, как пришли Никита с Ириной и тоже улеглись у дальней стенки, где раньше стоял чумал, а теперь красовалась сделанная руками сына резная полка для посуды. Переливы ее песни закружили легким танцем, чуть слышно зашуршали по углам. Слезы катились по щекам теплыми прозрачными ручейками...

Когда закончилась ее песня, когда сон склонил тяжелую голову к подушке, Анна не помнила.

Утром проснулась раньше всех. В одной руке она сжимала уже высохший за короткую ночь платок, другая рука обнимала младшенькую доченьку и внука.

Она поняла своей израненной душой, что тихое счастье кончилось. Одиночество уже стучалось настойчиво и неотвратно.

А как немного ей нужно, чтобы чувствовать себя счастливой: видеть детей своих, внука и знать, что Боги благосклонны к ним.

Сегодня во сне Белый старик приснился ей. Сидит среди юрты. Свет золотом разливается, слепит блеском своим.

— Тяжело живется, уезжают далеко родные мои, покидают родной дом. Скажи, как убережь детей моих, чтобы не болели, чтобы удача не отворачивалась от них? — спросила тихо.

— Я знаю, кому как жить, кому хворать, кому здороветь, кому удача улыбнется, от кого отвернется. Однако всем хорошо будет, — улыбнулся Старик.

И на душе Анны потеплеет. Одиночество она переживет, лишь бы у них все сложилось удачно... Нашел бы каждый свою тропинку в жизни. И не пришлось бы петлять подобно зайцу, запутывая следы, а торили бы свой путь прямо, ощущая твердь земли, обретая уверенность с каждым шагом. Были бы чисты их помыслы...

Все дети селения, повинувшись неизбежной доле, собрались на вертолетной площадке задолго до назначенного времени. Вертолет ожидали к полудню. Мальчишки носились по бревенчатому настилу, девчонки в стороне, выбрав место поровнее, играли в резиночки. Родители стояли тихо, понутив головы рядом со сваленными в кучу сумками и школьными ранцами. Полина не плакала, уезжая из дома. Прислонившись к маме, она держала в руках самодельную куклу, оде-

тую в платьице, украшенное бисерной вышивкой. Куклу из дерева сделал ей дядя Егор, а одежду сшили вместе с мамой. Так и стояли они в стороне, слившись воедино.

Мать и дочь.

В преддверии разлуки.

В преддверии одиночества.

В преддверии бессонных ночей, бесконечных песен и слез.

Как ни ждали вертолет, а появился он внезапно, словно выплыл из-за высокой гривы. Залопотали лопасти, поднимаемая пыль, засуетились взрослые, собрались в кучку дети. Наспех обнялись.

Также внезапно, как и появился, вертолет набрал высоту, замер над площадкой. Развернувшись, с места взял разгон и вскоре превратился в беззвучную точку.

Рано утром сына с семейством проводила. Ирине по-матерински наказала в доме мир да лад держать. Долго Ромку отпустить не могла, и только когда капитан катера громко рявкнул в рупор, оборвалось сердце Анны. Вроде привычным стало встречать-проводить их...

Теперь вот и дочь улетела...

Одна, совсем одна осталась Анна.

Глава VII

— Как все-то поразъехались, — Егор запнулся, поднял голову, вслушиваясь в очередное объявление.

Так он делал каждый раз, будто ждал какого-то известия. «Внимание пассажирам рейса номер...» Егор, выждав, когда металлический голос умолкнет, продолжал:

— Так вот, как все-то поразъехались, Анна и вовсе сникла. Замкнулась совсем. Шаманить даже не могла. Люди и

докучать перестали. Видят, что не до того ей. А тут и братьев покинули наш мир. Всех похоронила по нашим обычаям. На похоронах хоть бы слезинку обронила. Нет, не плакала. Она же их как сынков своих доглядала, матерью им была. Пожить толком не успели. Яшка и жениться не успел. Шибко пил. Как пришел из армии, так мы его трезвым не видали. Там, видно, и пристрастился. Сгорел заживо. У него даже лицо сделалось черное, как уголь. В гробу маленький такой лежит. Легкий стал. Сгорел, совсем заживо сгорел. Уголек один остался. Нашли его в дальней избушке. Повесился на крючке, на котором когда-то зыбка его висела. Грех какой! Шибко, видно, огонь-то его донимал изнутри. Не было сил терпеть. Говорят, огонек над лицом горел, как сняли его. Вот как! — Егор швыркнул носом, глаза его увлажнились. — А Спиридона с Тихоном в ту осень Вах принял. Они уже по шуге в Ларьяк сладились ехать мотором. Ягоду остатки свезти, да на зиму запасы кое-какие сделать. Что случилось с ними на обратном пути, не знаю. Прибило их к берегу... Спиридону винтом полголовы снесло. На скорости, видимо, мотор завели, вот и крутнуло лодку. Тоже без вина не обошлось. В лодке водку недопитую нашли. Раньше-то они не пили шибко, а тут... — Егор заволновался, оглянулся по сторонам. — А как не запить, если здоровые мужики в семье достаток не могут поддержать? И не лентяи ведь. Лучше их кто по Ваху рыбачить умеет? Хоть летом, хоть зимой под метровым льдом. А кому она теперь, это рыба нужна? Тонн пять как-то сгноили, а сдать некуда. Пообещали в фактории принять, но так и не удосужились за зиму. Весной всю свезли в яр, зарыли. Мимо пройти нельзя, смрад пошел по логу... Обходили то место дальней дорогой... Ягоду всю осень берут не разгибаясь, гнус, комарье сутками кормят. А деньги за ягоду через год получают, и то по частям.

Они те деньги уже и не стоят ничего. Даром, значит, горбатились. Надломилось что-то у них. Вместе и пить-то начали от безнадёги... Схоронили их рядом со свежей еще могилкой младшего брата. Тут-то Анну совсем свернуло. Что-то сделалось с ней. Каждый божий день стала она на могилки ходить. Пойдет, постоит там, помолится. Оттуда на вертолетку сходит, там посидит на бревнах, а потом — на пристань. Долго стоит на берегу, вдаль смотрит. О чем думает, никто не знает. Только потом домой идет, мелко ногами перебирает, тихо шевелится. Совсем старухой седой стала. В сорок лет... И так вот каждый день. Каждый день. — повторил для убедительности Егор.

«Что ж ты так убиваешься?» — бывало, спрошу ее. «А как же Егорушка — мои ведь, все мои», — залъется тогда слезами. «Как же так, — говорит, — что человек своим трудом прожить не может? А как жить?»

«Ты бы себя поберегла — вон вся седая стала, исхудала, смотреть страшно», — говорю.

«Думаешь в избе легче? Схожу на могилки, помолюсь, мне и на душе светлее станет. О Полинке душа болит. Тяжко ей будет, ох тяжко», — и снова в слезы.

Часто Полинку вспоминала: «Тяжко ей будет. И я во всем виновата». Как будто знала, что наперед. Хотя как не знать, она все знала... — Егор встал, стряхнул крошки с одежды, мол, все, хватит рассиживать.

Хватит так хватит. Поехали дальше. Рыкнул с полуоборота мотор. Егор достал сигарету, долго разминал, пустил дым клубами, задумался. Оживился он, когда въехали в город. Я свернул на Омскую.

— Сюда поверни, сюда! — Егор дернул руль, чего раньше не бывало, и я чуть не врезался в идущую справа машину, но притормозил и резко рванул вправо на улицу Менделеева.

— Ты хоть заранее предупреждай, не в тайге, чай, — пожурил его. — Чуть аварию не сделали.

— Померешилось мне или вправду ее увидел, — не обращая внимания на мои слова, сказал Егор, — туда прямо, потише тут. Вот она! Вот она! — он тыкал пальцем у меня перед носом в окошко с моей стороны, закрывая видимость. Я не успел еще остановиться, он уже выскочил, побежал через дорогу, взвизгнули тормоза. Водитель «Волги» громко заматерился в открытое окно. Я пошел следом за Егором.

— Петявола, — остановился он перед Полиной.

— Здорова, Егор, — грубовато ответила она.

У Егора в глазах задрожали слезы, он хотел обнять Полину, но та отшатнулась. Полина стояла с распущенными, спутанными волосами, цветастый платок сбился на затылок, кожаная куртка распахнута. Посмотрела на своего дядю отнюдь не дружелюбно.

— Чего тебе надо?

— Я тебя ищу, Полинушка, тебя вся милиция уже неделю ищет.

— Зачем меня искать? Я вот она. Не прячусь ни от кого. У меня сеструха тут живет. Я к ней иду. Мама у нее. Вот ищу. Не помню, где сеструха работает. Знаю, что контора такая кирпичная. Мама у нее должна быть, — заключила она и уставилась в землю. — Маму ищу, у сеструхи она, — повторила упрямо.

— Не найдешь. Светку в другое место перевели. Туда так просто не пускают — охрана.

— Меня пустят: она же сеструха моя... Я кушать хочу. Два дня не ела. Маму ищу, — как-то быстро перескакивала Полина с одного на другое.

— Мама умерла. Зачем ее здесь ищешь? Поехали.

— Куда? — насторожилась Полина.

— В гостиницу.

По дороге Полина жевала булку с колбасой, запивая «Фантой». Егор загодя купил еду: «Она ведь голодная столько дней». Он не сомневался, что найдет ее сегодня. Как он мог знать, что найдет?

— Дай закурить, — обратилась она к своему дяде.

— Тебе в больницу нужно, — Егор протянул сигарету.

— Не хочу я в больницу. Меня снова в психушку положат, а я не псих. Я убегу оттуда, — не на шутку заволновалась Полина и забилась, словно птица в клетке.

— Мы не в больницу, в гостиницу тебя везем, а завтра на вертолет и вместе с Егором домой, — разрядил я обстановку.

Полина успокоилась и до самой гостиницы сидела тихо, попыхивая сигаретным дымом.

В гостинице для коренных жителей места были. Полину поселили к женщинам из ее селения, а мужская половина была и вовсе свободной. Егор занял одну из четырех пустовавших коек. Нам никто не мешал за чаем продолжить разговор. Егор заметно оживился. Для него ничего необычного в том, что мы нашли Полину, не виделось. Он с самого утра и весь день ни на минуту не сомневался, что племянница его найдется. Завидуя его оптимизму, я объективно оценивал шансы и понимал тщетность наших усилий. Теперь же ловил себя на мысли, что вся эта невероятная история не могла иметь другого конца. А с другой стороны, мой здравый рассудок сопротивлялся: как можно найти человека в двухсотпятидесятитысячном городе? За один день. Притом, что милиция уже неделю прочесывает город вдоль и поперек. Не иначе, тут не обошлось без невероятной чертовщины или, может, Божественного промысла. Егор, видимо, призвал на помощь всех Богов, и не только.

Глава VIII

На новом месте Полина привыкла быстро. Старших девочек, соседок по комнате Вику из соседней деревни и Нину из ее же улицы, она знала и раньше. В школе-интернате ей даже понравилось. Чисто везде, уютно. Только по маме скучала.

Ей нравилось дежурить на кухне. Повариха тетя Маша спрашивает, бывало, заранее зная ответ:

— Что будем готовить на ужин, Полюшка?

— А это... пюре из картошки, — скажет тихо и покраснеет девчушка.

— Картошку так картошку, — тетя Маша достает остатки из мешка, и садятся они чистить.

Стружка, извиваясь, падает в ведро, белые клубни бросают в кастрюлю с чистой водой. Тетя Маша все это время о чем-то рассказывает: как в школе училась в большом городе, как на барже они с родителями плыли по бесконечному Ваху в Ларьяк.

— Мне тогда восемь лет исполнилось. В церкви нас поселили. Так и жили — каждый в своем углу. Кто только до греха такого додумался: людей в церковь поселить? Мне все запах лампадок чудился, как у бабушки в деревне. Потом расселили всех по квартирам, а церковь разобрали по бревнышкам. Теперь и свечку негде поставить. Родители у меня умерли. Так и живу. Муж в город подался, а меня с собой не позвал... — нож в ее руках замирает...

Задумается. Защемит сердце. Капнет слеза на острие ножа, разлетится на множество мельчайших осколков...

То про сторожа одногого начнет рассказывать:

— На войне ногу потерял.

Полине не понятно, как ногу можно потерять, и она себе придумывает сама, как потерялась нога деда Антона. Ей

вдруг покажется, что вот дед Антон проснулся утром там, на войне, а ноги нет. И он ищет ее то под подушкой, то под кроватью, а ее нет. Он хватается за голову и плачет. Полина видела как-то старого сторожа в слезах. Тот выпьет, бывало, и душит его прошлое своей жестокой натуральностью.

— Досталось ему. Один теперь на всем свете. Жена умерла, а детей у них так и не было, — смахнет слезу повариха.

— Как это — один? Вон сколько людей в деревне! — Полина даже рукой повела, как взрослая.

Нравится тете Маше эта девчушка. Сердце доброе у ней. И непосредственность детская, и искренность подкупает эту грузную, с виду суровую женщину, повидавшую на своем веку всякого: и несправедливых укоров, и насмешек от односельчан. А тут и выговориться можно без опасения, что осудят.

— Он добрый и все умеет по дому. Хозяйственный. Как сошлись мы с ним, сердце мое оттаяло, а то и жить не хотелось.

— А моя мама тоже одна осталась дома... — теперь уже Полинка смотрит невидящими глазами в окно.

— Там косточки твоему щенку приготовила да объедки кой-какие. Так и сидит под порогом, тебя дожидается, — вздохнув, переводит разговор на другое тетя Маша.

— Я его домой возьму. Маме. Он ей понравится. Я уже придумала, как звать его буду, — Караем.

Щенок месяцев четырех прибился в школу-интернат. Нашел себе убежище под крыльцом с черного входа. Полина его подкармливала, и щенок, отзываясь на ласку, признал ее и даже защищал, облаивая мальчишек, норовивших дернуть девочку за косичку. Сорванцы нарочно иногда толкнут девочку, вызывая ярость щенка. Он отчаянно бросится на обид-

чиков, схватит попавшуюся штанину с таким остервенением, что мальчики убегают, оставив Полинку в покое. А защитник подбежит к Полине и смотрит в лицо: «Вот я какой» — говорят его светящиеся счастьем глаза.

Так же молча, как и провожала, встретила доченьку Анна. Каникулы-то недолгие. Что тут радоваться: не успеешь наглядеться на ненаглядную свою Полинку, как снова в дорогу собирать. Она не сразу даже заметила, что тот повзрослевший шенок, что выскочил из вертолета вперед всех, бежит всю дорогу за ними. И только перед самой дверью в дом спросила:

— Чья собака с вами прилетела? Смотри-ка, за нами увязалась. Уходи, уходи, — махнула она рукой. — Негоже приваживать чужих собак. Одного хозяина должна знать.

Пес одним скачком очутился рядом с Полиной, прижался спиной и залаял, но не злобно, а как бы говоря: «Мы вместе».

— Это Карай, мама. Я тебе его привезла. Он хороший, он тебе понравится, — поглаживая своего друга, торопливо сказала Полина.

— Карай? Когда-то у нас был Карай. Я маленькой была, как ты сейчас.

— А я знаю, мне баба Фрося рассказывала, — Полина поставила сумку на снег.

Карай, словно понимая слова, лизнул ее руку, затем подбежал к Анне и сел рядом с ее ногой. Она почувствовала тепло от прикосновения, присела, взяла двумя руками хитроватую морду и внимательно посмотрела в желтые с грустинкой глаза. Теплый язык беспардонно скользнул по лицу, губам, не дав возможности Анне что-либо сказать, и она рассмеялась, отшатнулась назад, потеряв равновесие, повалилась в снег. Полинка, взвизгнув, подбежала, навалилась на маму, пытаясь натереть лицо снегом. Анна громко захохотала, увер-

нулась; бросая высоко снег, поднимала белую пыль, искрящуюся на солнце. Они кубарем катались в снегу, не замечая прислонившуюся к углу дома старую Ефросинью. Вокруг с лаем носился Карай и хватал своих хозяек за одежду, руки, ноги. Каждый радовался своему маленькому счастью.

Глава IX

С появлением Карая, этого рыжего непоседливого и вездесущего вихря, жизнь Анны приобрела какие-то новые, доселе неведомые очертания. Началось с того, что непривыкший к поводку Карай пролежал сутки, отказываясь от еды. Нет, он не срывал ошейник, не извивался ужом, пытаясь выползти из ненавистной петли. Он безропотно дал себя поневолить, залез в сделанную Егором новую конуру и, лежа на мягкой подстилке, смотрел потухшими глазами на ограниченный поводком мир.

— Лежит в конуре целый день, смотреть жалко, — комментирует Анна, зная, что Ефросинья стала слаба глазами и различает только свет да очертания предметов. Предлагали операцию на глазах, но она отказалась. Мол, сколько той жизни осталось.

— Ничего, обвыкнется, — пытаюсь успокоить Анну, тихо говорит Ефросинья. Сама же смотрит подслеповатыми глазами в сторону приникшего пса, покачивая головой, словно не согласна с собой.

— Не привыкнет, однако. Ошейник камнем к земле его прижимает. Он свободой надышался. Не могу смотреть, как он мается, — Анна наклонилась, сняла ошейник. Карай поднялся, брезгливо потрянул загривком, освободившись от ненавистного ярма, умыл хозяйку языком, толкнул передними

рано отзвенел твой колокольчик. Вон какую ношу с пятнадцати годов тянешь. Сейчас вот не вижу обличье твое. Седой, поди, совсем стала, — старуха потянула руку на звук поставленной кружки. Анна помогла найти — не обварилась бы горячим чаем. — Помирать пора, в нижний мир собираться. Зря только землю топчу. Кому от меня польза... — Ефросинья отпила чай, взяла из руки Анны пряник, макнула в кружку.

— Не говори так. Не ты — мне бы не выжить. Дневала-ночевала у меня, уму-разуму учила. Совсем-то несмышленишем была... Испугалась я тогда... Думала, не справлюсь.

— Так то когда было... А сейчас только одного хочу: дожить до весны. На солнце поглядеть. Оно теперь не слепит меня, как раньше. А потом и в нижний мир можно собираться. Все мои уже там. Одна осталась. Сын маленьким умер, муж с войны не вернулся, а родителей своих, как и ты же, в молодости похоронила. Сгорели они в избушке, а меня чудом спас молодой учитель Ефрем Максимович. Его прислали к нам издалека. Потом замуж за него вышла в семнадцать лет. Давно это было...

Так женщины частенько сиживали длинными морозными вечерами, вспоминая свою горемычную жизнь. Анна каждый день чистила дорожку от своего дома к Ефросинье. Старуха легко находила натопанную тропинку. То у одной посидят за чаем, то у другой для разнообразия. Их связывало общее прошлое. Одними тропками ходили по этой жизни, из одного котла хлебали и радости, и горести.

— Морозная, однако, зима выдалась в тот год. Анна всю зиму из дому не выходила, — Егор не спеша пил чай в прикуску с сахаром-рафинадом и так же не спеша подробно рассказывал дальше: — Ну, разве что ко мне иногда забредет, да к Ефросинье похаживала по-соседски. На кладбище с моро-

зами ходить не стала. Как-то сидим, чай пьем у нее. Я только с рыбалки вернулся, рыбы ей привез, да Ефросинье маленько. Так вот чай пьем, беседуем о чем-то, как вдруг Карай забеспокоился, засуетился, лизнул руку Анне, сел рядом и взлял как-то странно, а сам пристально так в лицо ей смотрит. Анна и говорит: «Опять трясти будет. Он ведь, Егорушка, меня всегда предупреждает, когда приступ случится. Как знает, понять не могу. За двадцать минут чует, а то и за полчаса». Она легла в угол: «Не смотри на меня, попей чайку. Хочешь, дров пока принеси». Пока управился с дровами, уху поставил, на улице уже стемнело. Хворь-то ее все чаще вечерами ломала. Пес все это время рядом с ней сидел, глаз с нее не сводил. Потрясло ее маленько (к старости-то ее сильно не ломало). Карай наклонился к лицу и лижет ее в губы, в лоб. Все лицо умыл. Она и проснулась сразу. И нет в глазах усталости и боли, как раньше-то. Вот чудеса какие. Собака ей и лекарь, и собеседник.

Глава X

Привычными стали для Анны каникулы-отпуска детей. Встречала, провожала, старалась чем повкуснее угостить. Варенья вкусные из морошки, смородины получались. Ромка смородиновое любит, Полина — из морошки. Теперь с Караем ей ничего не страшно. В дальние урманы за грибами ходит. Болота, что за рекой, все исходила вдоль да поперек. Ягод больше молодых собирать стала. Ходит-бродит за грибами-ягодами, песни поет. Для своих ребятишек старается. И Караю, что вошел уже в силу, погулять на волюшке охота. Запахи лесные манят его. То белку облает, то глухаря посадит на сосну и давай его охаживать.

Как-то по осени пришла к Егору:

— Собираюсь я, братец, в избушку дальнюю. Ваях-кенте — зверя ловить.

— Одна, что ли? — опешив от неожиданности, спросил Егор.

— Нет, не одна — с Караем, — она погладила своего верного друга. — За ружьем пришла.

— Яшкино возьмешь, оно почти новое, — после короткого раздумья сказал Егор. — Какого зверя ловить?

— Полинка большая уже. Скоро замуж. Белок добыть нужно, да так, что попадет, — заключила Анна сердито. Не нравится Анне вопрос брата. «Зачем спрашивает, — думает она. — Нельзя загадывать наперед. Кушать неубитую утку негоже».

— Жених сам калым принесет за такую невесту, — Егор достал ружье в брезентовом чехле. Все ружья умерших братьев хранились у него.

— Ей вон в зиму одеть нечего. Большая стала, стыдно от людей.

— Ну, что ж, раз решила, — Егор знал, что слово Анны всегда твердое, — нужно спешить до снега по воде добраться. Я тебе все покажу, да рыбы на зиму поймать нужно. Кулемки обновить нужно, слопцы поправить... Приманку разложить.

Анна кивнула головой в знак согласия.

— Я там девчонкой с родителями была. Отец стрелять учил. Смутно все помню, — она поставила кружку с чаем на стол, задумалась.

— Лет-то сколько прошло... Я избушку другую поставил, та землянка завалилась совсем. Ледник там сейчас.

— А помнишь, как мы все вместе до самого снега там жили? А потом на оленях домой добирались, — Анна оживилась.

Они сидели тихим осенним вечером, пили чай и вспоминали те далекие годы счастливого детства. Егор был младше ее, Тихон и Спиридон озорные карапузы требовали по-

стоянного внимания: глаз да глаз нужен за ними; Яшка совсем маленький в зыбке, подвешенной к потолку, все больше спал. А как проснется да заорет, его и качнет кто ближе. Егор, бывало, пнет его чуть не к потолку, Анна ругает, как взрослая, а того еще больше разбирает. Ждет случая снова бузнуть зыбку посильнее. Его беззаботность, мальчишеское озорство тогда вызывали зависть у старшей сестрички, хотя и у него были свои обязанности: дров принести, за малышами присматривать, да и мало ли чего нужно сделать, когда рук не хватает.

Придут отец с матерью вечером уставшие. Отец и спросит:

— Чем, доченька, кормить нас будешь? — а сам пока руки моет, рассказывает, как день прошел. Мама ему поливает, молчит. Нельзя хозяина перебивать. Хочется ей узнать, что ели малыши, не ревел ли Яшка, но молчит она, смотрит добрыми терпеливыми глазами на своего мужа.

— Ягоды насобирали с матерью в чистом бору, что за урманом, сетки проверили в старице: шуки поймались большие, — он раскидывает руки. — Парочку рябчиков добыл. А то все рыба да рыба. Ну, а у вас как тут? Мужички помогают тебе? — обращается он к старшей дочери.

— Помогают. Уху сварила, — Анна посмотрела на Егора, забившегося в угол.

Егор боится, что расскажет старшая сестра, как озоровал, но Анна не выдает его.

— Завтра слопцы насторожу, глухарь уже по утрам на пески выходит, — Афанасий вытирает руки. — Со мной пойдешь, Егорка.

— И я хочу, — опустив глаза книзу, говорит тихо Анна.

— Хорошо, доченька, — говорит мягко Афанасий и обнимает за плечи Анну. Она до сих пор помнит его теплые руки.

Лицо вот стирается из памяти, а теплые сильные руки отца запомнились на всю жизнь.

Отец садится за маленький столик у крошечного окна, усаживает рядом Егора, малышей. Тесно в избушке. Мама хлопчет, на стол собирает. Достает масло, хлеб нарезает. Анна подает ложки, помогает маме расставить горячие, парящие алюминиевые тарелки. Металл жжет руки, она ловко опускает на освободившееся место, отец подхватывает, ставит тарелку перед Егором, потом малышам Тихону и Спиридону.

— Ну, вы кушайте, а мне Яшку покормить нужно, — говорит мама, когда на столе все готово.

Мама берет на руки маленького Яшку, напоминавшего о себе все это время кряхтением и скрипучим криком. Надоело сидеть спеленанным в зыбке. Почувствовав свободу, он размахивает руками, сучит ножками, улыбается, а припав к теплой материнской груди, замирает. В избе становится тихо, только ложки колокольчиками звенят да слышно, как чмокает громко Яшка.

Давно это было.

Последние воспоминания о родителях.

Последний год ее счастливого детства.

Глава XI

С трудом добирались на верткой «казанке» в верховье обмелевшей речушки. Винт на мелях хватает ил, мотор подбрасывает на коряжнике, но Егор умело регулирует скоростью. Маломощный «Ветерок», а Егор, зная о мелях, специально взял именно этот неприхотливый мотор; потихоньку проталкивает лодку вверх поворот за поворотом.

Не узнала Анна сразу место. Подумала, может, не добрались еще. Все не так: изба какая-то стоит под кедром, там над обрывом навес новый — бревна еще не потемнели. Видно, этим летом слажен. Берег вроде ниже... Березы какие-то большие у самого ручья... Все не так.

Потом Егор показал старую землянку, поросшую сверху мхом, приспособленную теперь для ледника. Летом рыбу солил. Льду, да снегу набросает зимой: до августа хватает. Рыба хорошо в холоде получается. Бочки в леднике стоят пустые. Недавно только освободил. Теперь на зиму заготовить нужно.

— Поможешь неводить. Бочки заполнить нужно, — Егор пошевелил одну, другую бочки.

Анна заглянула в ледник. Через маленькое окошко слабо пробивается свет.

— Неужто раньше жили здесь? И как помещались все?

— И я о том же думаю всякий раз.

— Даже крючок остался от зыбки. Яшка здесь... — она вспомнила того голосистого малыша.

Радостно зашло сердце Анны. Она хотела еще что-то спросить, но подошел Егор, тронул ее плечо, прервав на полуслове. Не всю правду знала Анна. Не желая тревожить истерзанную душу сестры, Егор сказал ей в то скорбное время, что Яшка просто умер.

— Пойдем в дом. Чаю с дороги попьем, — голос его дрогнул, и Анне стало страшно.

Пространство в леднике сжалось, сдавило ее. Она, бросив последний взгляд на крючок в потолке, повернулась и заторопилась к избе. Больше она никогда не заходила в эту ставшую ей вдруг враждебной землянку. Она ничего не спросила у Егора. Он тоже промолчал.

За три дня наловили рыбы, насолили на зиму, напилил Егор дров, поправил петли на дверях, кровлю, разложили

погрозила пальцем: «Не для тебя, для зверя еда-обманка». Пес повернул голову на бок, посмотрел на хозяйку, словно что блеснуло в глазах. «Понял», — подумала Анна и уже не боялась, что попадет он в ловушку, поставленную на зверя.

Только на миг возвращается она к действительности, когда осматривает с восторгом соболька — второй сегодня. Удачный день... И снова расплываются очертания темных, стоящих частоколом кедров, исчезают звуки...

Снова Яшка смотрит на нее детскими глазами:

— Прости меня, сестрица, не вынесло мое сердце. Война мне в душу заползла холодной змеей... Каждый день взрывы, автоматные очереди, душманы с перекошенными от злости лицами и кровь, кровь, кровь... Я не виноват, что попал в Афганистан, я не виноват, что остался жив, когда прижатые к горе погибли все из нашего взвода. Только меня и друга моего Витьку нашли потом. Откопали нас, захлебывавшихся кровью погибших, из-под горы трупов. Витька из госпиталя сразу в психушку попал. Я выдержал, но как забыть, сестрица, такое.

Анна помнит, как рассказывал, будучи в подпитии, ее младший брат о той страшной войне. Из трезвого слова не вытянешь. Молчуном стал Яшка, словно немой. В каждом ему друзья-однополчане мерещатся. Стал вином раны заливать. В избушке дальней все время один жил. Одной рыбой питался. Охотиться не мог: кровь.

— Понимаю... Ранила тебя та война в сердце, на душу — лилель наступила. Но как же я: ты ведь сыночком мне был. Я тебя с колыбельки выпестовала. Ты дарил мне радость, давал силы жить, когда опускались руки, когда не было сил терпеть, когда ноги не держали, руки не слушались, глаза не видели, уши оставались глухими. Ты держал меня, не отпустил в нижний мир...

Отрывисто залаял Карай, вывел из плена воспоминаний. Анна встрепенулась, руки сами сняли с плеча ружье. «Глухарь», — определила охотница по яростной взлайке, по тому, как кружился вокруг одинокой сосны на краю гривы пес. Она подошла ближе. Глухарь сидит на самой макушке сосны, вытягивая шею, следит за мотающимся внизу рыжим комком. Карай перебежал на противоположную сторону сосны, отвлекая внимание птицы, отчаянно крутился на месте, яростно до хрипоты лает, поднимая снежную пыль.

— Карай, иди ко мне, — Анна хлопнула по прикладу ружья, — нам не нужен глухарь. Вчера только стрелили. Зачем зря птицу переводить? Оха! Оха! — громко крикнула она и махнула рукой.

Глухарь мгновенно расправил крылья и, обламывая мелкие ветки, скрылся за густой кроной. Анна потрепала загривок своего верного друга, тот лизнул ей руку и послушно побрел следом, наступая на лыжи.

Но тут еле уловимый запах остановил его. Он повел носом, вытянул шею. Характерный звук чуть слышного шуршания окончательно убедил Карая в правоте догадки, и он стремглав ринулся вниз к ручью. Уже через минуту-другую послышался его голос в урмане. Короткая взлайка, тишина, снова взлайка — без ярости, но настойчиво зовет хозяйку. «Белка» — мелькнуло в голове охотницы, и она ускоряет ход.

Выстрел сухим треском расколочил тишину. Мягкий снег не ответил эхом, поглотив звук разом без остатка.

Скоротечный зимний день перевалил свой экватор, солнце скользнуло холодными лучами по кронам сосен, разлапистых кедров, рассекая белый снег длинными ровными тенями. Карай то рыскал вдоль ручья, то уходил в глубь гривы. Но то и дело подбегал к Анне и, лизнув руку, снова скрывался из виду. «Проверяет» — подумала Анна и улыбнулась.

Вдруг Карай остановился как вкопанный. Он вытянул шею в сторону избы, до которой еще оставался длинный путь. Уши сошлись в напряженный треугольник. Анна остановилась, замерла. Оборвалась враз скрипучая песня лыж-подволока. Установилась тишина. Откинув меховой капюшон, охотница тоже прислушалась, повернув голову и приставив к уху ладонь. Тревога противной тяжестью разлилась в груди, залезла куда-то глубоко холодной змеею. Сердце встрепенулось: издали доносился звук работающего двигателя. «Это не «Буран» и не вертолет», — мелькнуло в голове, а ноги уже понесли ее в сторону избы, откуда слышался этот противный чужеродный скрежет. Карай, звонко залаяв, бросился вперед и уже не пропуская вперед свою хозяйку до самой избышки.

Поднимаясь по натеренной лыжне, Анна не сводила глаз с огромной зеленой металлической лягушки, распластавшейся на высокой площадке рядом с избой. Грохот двигателя теперь оглушал все вокруг. Исчезла тишина, исчез покой, ничего не стало слышно, только это зловещее рычание. Синий дым спустился в распадок ручья, растянулся сизым и вонючим своим естеством с ровным, как под линейку верхним краем вдоль березняка. От едкого запаха запершило в гортани. Карай бросился вперед со взъерошенным загривком, отчаянно залаял, ткнулся в одну, другую сторону, как бы выбирая удобную позицию для атаки, но от Анны далеко не убежал, словно опасался оставить ее одну. Подскочил, лизнул ей руку и снова с лаем кинулся вперед. От машины-вездехода отделились две человеческие фигуры. Увидев собаку рядом с непрошеными гостями, Карай ошетинился и зло зарычал. Анна подошла совсем близко, успокоилась. Пришельцы, одетые в камуфляжную форму, поздоровались:

— Здравствуй, хозяйка.

— Здравствуйте, — сказал тот, что держал собаку.

Анне понравилось, что гости поздоровались первыми, что назвали ее хозяйкой.

— Здравствуйте, — тихо ответила Анна, прошла к избе, сняла лыжи, поставила ружье, сняла рюкзак, подаренный сыном.

Спокойствие хозяйки передалось собаке, и Карай сел у ног Анны. Собака незнакомец — серая лайка тоже успокоилась. Карай вытянул морду, принюхиваясь к новому запаху. Помахивая своим роскошным рыжим хвостом, он приблизился к гостям. Собака пришельцев, натянув поводок, оскалилась.

Теперь только Анна поняла, почему Карай повел себя так дружелюбно. «Подружку нашел. Тоже молоденькая. Год, однако, не больше». Анну снова что-то встревожило.

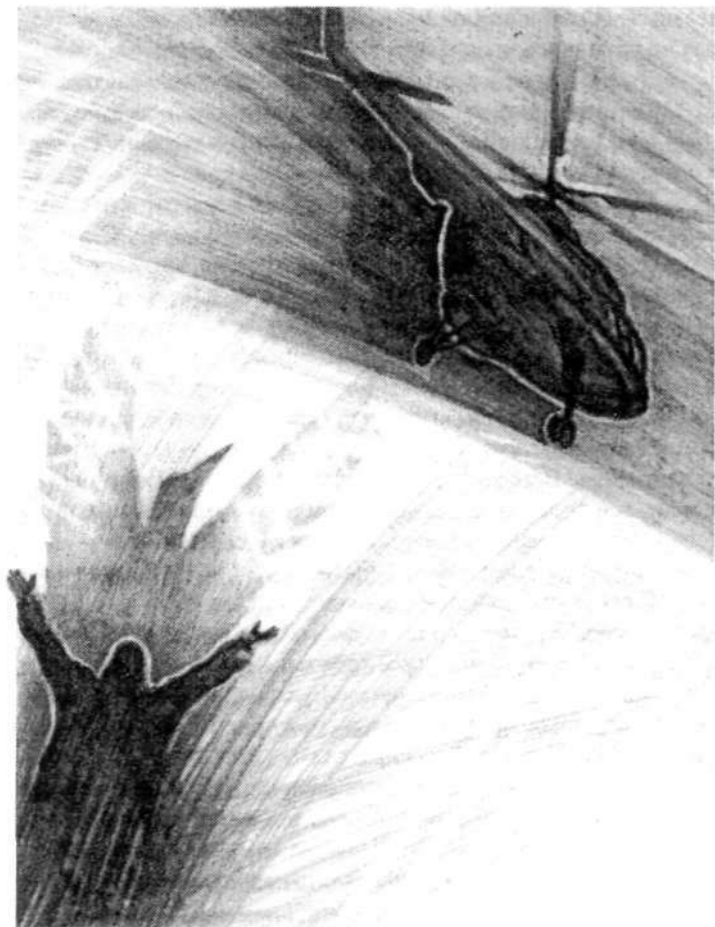
— Мы тут чаю без вашего ведома попили, перекусили...

— Попили так попили... Что тут такого, сейчас еще чаю поставлю, — перебила Анна. Она уже поняла, что они были в избе, и ей понравилось, что сами сказали.

Ее ничуть не удивило, что чужаки зашли сами в избу, пили без нее чай. Люди в тайге живут по своим законам. Путник, охотник ли, набредший на избу в тайге, зайти, согреться чаем. Помыслы были бы чистыми.

Анна поставила на горячую еще печку чайник, кастрюлю с супом из рыбной муки — тюнь, сваренную утром, подкинула пару полешек. Потом достала испеченные вчера в золе хлебные лепешки поруй-нянь, нарезала длинными полосками. Обычно она ломала руками, но сегодня — гости. Достала масло, расставила кружки. Их оказалось в избушке как раз три. Кружки вымыты, перевернутые вверх дном. «На место поставили», — Анна заметила и то, что на столе порядок и ее продукты не тронуты.

— Заходите в избу, чай пить будем, — сказала Анна, взглянув из двери.

Зашли сначала те двое, которых видела Анна, следом, низко сгибаясь, сутулясь, вошел третий с большими черными усами, смешно свисающими до подбородка. Анна и на этот раз не удивилась: на снегу она различила три разных следа.

— Добрый день в вашей хате, — пробасил долговязый.

Мужчины сняли верхнюю одежду, подсели к столу.

— Суп из рыбной муки кушать будете? — спросила Анна, а сама уже поддела вареву разливной ложкой.

— Никогда не пробовал, — потер ладошки тот, что называл Анну хозяйкой. — Доставай, Леха, наши харчи. Ставь на стол, доставай... — он замылся, посмотрел на Анну вопросительно. «Начальник», — определила Анна.

— На меня не смотрите, доставайте, — Анна расставила алюминиевые тарелки с рыбным варевом. — Кушайте, а у меня еще работа есть.

Она внесла рюкзак, вытащила тушки двух соболей и с десятков белок, разложила на полатах за печкой. Пусть размораживаются. Еще ведь шкурки снять нужно. Мужчины замерли, все трое замороженно следили за Анной. Поймав на себе их взоры, Анна, словно оправдываясь, сказала:

— Три дня, однако, не ходила: метель шибко разгулялась.

— С собачкой добыла все? — спросил «начальник».

— Без собаки-то что в тайге делать? — Она посмотрела на лежащего у порога Карая. Все трое тоже повернули в его сторону свои головы. Долговязый качнул одобрительно головой, цокнул языком. Анне показался его взгляд недобрый.

— Хорошая собачка, — сказал он.

Анна насторожилась. Не понравилось ей, что хвалят ее собаку и смотрят так, словно товар покупают. Сердце екнуло.

— Собака как собака, — с деланным равнодушием сказала охотница.

— Выпьешь? — спросил снова «начальник», протягивая кружку.

— Я не пью, — коротко ответила Анна.

Мужчины долго не задержались. Начальник торопил своих сослуживцев. Они оказались теми самыми нефтяниками, о которых столько уже слышала Анна, но видела их первый раз. Из рассказа она поняла, что они проводят какую-то разведку.

— Геологи, что ли?

— Сейсмики мы.

Анна не слышала про таких, но расспрашивать не стала. Геологи, нефтяники, сейсмики: она все равно не разбиралась в тонкостях. Все они для нее нефтяники. Каждый свое дело делает. Что тут разбираться. У нее свои заботы-хлопоты, у них — свои.

Кончились первые настоящие морозы. Анна упаковала свой скарб, собралась домой. Быстро время пролетело. Удачная охота получилась. Егор приехал и удивился, что сестра готова к отъезду, будто ждала именно сегодня.

— Я уже неделю жду, когда морозы кончатся...

— И мешки неделю на улице лежат? — спросил Егор, стряхивая с малицы плотно прибитую снежную пыль.

— Сегодня утром вынесла.

Анна перед отъездом вошла в избу, сняла привезенную с собой иконку Николы-Торума, протерла рукой, поцеловала, положила в карман вешмешка, вышла на улицу, поклонилась избушке.

— Хорошо мне было, — прошептала тихо. Да и как не хорошо: ни одного приступа за все время, удачно зверя промышляла, всегда огонь Матерь согревала ее в мороз и стужу.

Потом села в нарту рядом с Караем, успевшим уже пригреть себе место, и двинулись в путь. Домой.

— Вот скажи мне: как могла она знать, что я в тот день приеду? — Егор посмотрел мне в глаза, подлил кипятку в кружки.

— Ты же сам сказал: морозы кончились — ты и поехал. Она так же сориентировалась: морозы кончились — вот и ждала.

— Не-е-е-т, — протянул Егор, покачав головой. — Она Старика ночью видела, он ей сказал: домой поедешь.

Я не стал продолжать спор. Воспитанный в духе материализма, я бы поспорил с кем-то, но рассказ Егора пленил мое сознание необыкновенностью, но еще более странным показалась мне та непосредственность, с которой Егор объяснял происходящее. Конечно же простыми совпадениями все не объяснишь. Но мне не хотелось вдаваться в пустопорожные доказательства невозможности точного предчувствия, в безнравственные изобличения чудесных предзнаменований. Я начал понимать, что не все в этой жизни возможно разложить на атомы и молекулы, не все взвешивается самыми точными весами, не все удастся увидеть в самые мощные микроскопы, не все слышимо даже самыми совершенными акустическими приборами. Существует еще нечто, что подвластно только человеческому духу, сцеплению мыслей и образов, ничего общего не имеющему с рациональным и расчетливым рассудком.

— А что ты скажешь на то, — завелся уже Егор, уязвленный моими сомнениями, — что Анна знала, что те нефтяники ее Карая украдут. Она сразу почувствовала. Сколько раз повторяла: «Злыми глазами посмотрел тот длинный на Карая, ой, плохо это! Украдет — грех на душу возьмет». — «Как же, — говорю, — украдет, если он от тебя ни на шаг не отходит». — «Так он каждый вертолет встречает — Полинку ждет, каждый катер — Ромку выглядывает. А на привязи он умрет, и я за ним... Так и так конец получается...» Плачет и приговаривает: «Полину жалко, доченьку. Тяжко ей будет».

Глава XII

— Пожелала Анна, чтобы сватали дочь по-нашему. Меня попросила посаженным отцом быть, — продолжил Егор после паузы, смахнув слезу. — С Агана человек прилетал — ур-ку, Ананий Кадамкин — сват, вертолетом от жениха, спрашивал меня, как да что, может, какие обычаи наши не сходятся с тамошними. Все ему рассказал. «Весной ждите, говорит, по насту приедем», — Егор не спеша прикурил сигарету, попыхтел, попыхтел, улыбнулся и повел рассказ дальше.

На двух «Буранах» и оленьей упряжке прибыл жених — май-ку со своей родней и сватом. Анна уже знала этих людей. Полина рассказывала о своем женихе Алексее, о родне его. Отец Алексея Валентин Тылнин знатный охотник, свое родовое угодье имеет. Нефтяники квартиру в городе предлагали — отказался: «Оленей куда дену. Дед мой оленей держал, отец здесь живет, и я буду на этой земле жить, где дед похоронен». Люди говорят, хороший человек.

Привязали они упряжку оленю на краю селения, «Бураны» там же с нартами, груженными разным добром: свататься приехали. Рога оленей ленточками украшены, на «Буранах» ленты на городской манер через капот.

— Петявола — здравствуйте. Мир Вашему дому. Хатлан хатл пила — вместе с солнечным днем! — поприветствовал хозяев вошедший в дом Ананий. Он низко поклонился Анне, Егору. Егор узнал его, но виду не подает.

— Петявола, петявола! — ответил.

— Петявола — тихо сказала Анна.

Тихонько рыкнул Карай.

— Нельзя, свои это, — Анна махнула на него рукой.

— Пришел спросить человека — касы, люди говорят — есть у вас человек, — уже начал свою игру ур-ку.

Егор с Анной переглянулись, но ничего не ответили: не поняли, мол, о чем речь. Ур-ку постучал по полу сог-юх, своим черемуховым посохом, повернулся и вышел.

— Молчат люди, — с деланной серьезностью сообщает он «новость» жениху.

— Иди еще спроси, — отвечает отец жениха Валентин.

Снова заходит в дом ур-ку. Еще ниже кланяется он Егору и Анне.

— Пришел человека спросить, есть ли у вас человек? — говорит Ананий игривым голосом.

Молчит Егор, молчит Анна, недоуменно пожимая плечами. Побежал обратно ур-ку. Детвора на улице — следом, снежками бросают, смеются. Все взрослые в селении тоже на улицу вышли. Слухом земля полнится. Знают, что Полину сватают: красивая невеста. Жених издалека — с Агана. Редко теперь на оленьих упряжках в селении появляются. Народ вокруг оленей крутится: хорошие олени, ухоженные, упитанные.

— Молчит отец, молчит мать невесты, не знаю, что нужно, — снова говорит сват жениху и его родственникам.

— Вино возьми, какой ты недогадливый. Кто же без вина за невестой ходит? — Валентин вручает бутылку водки и отправляет свата снова в дом невесты.

— Пришел человека спросить. Есть ли человек? — спрашивает тот, низко кланяясь, и ставит бутылку на стол. В избе тишина. Слетела игривость и все напускное с лица ур-ку. Все решится сейчас. Примут угощенье или нет...

— Вот теперь мои уши слышат тебя, человек с дальней стороны, — говорит Егор. — Садись, дорогой гость, чай пить будем.

Анна поставила на стол строганину, мясо добытого Егором глухаря, стопки. Подняли наполненные стопки мужчины, выпили. Сват побежал радостный через все селение.

— Нашли человека, здесь живет май-ни — невеста! — кричит он. — Давай подарки, май-ку. Отцу подарки, матери подарки, пока не передумали, — обращается Ананий к жениху весело.

И уже с подарками возвращается в избушку под хохот ребятни.

— Вот тебе, Анна, от жениха, — разворачивает он большой цветастый платок, — а тебе, Егор, шкуру выдры.

Понравился Анне платок, понравилась шкура Егору. Усаживают гостя за стол, наливают по чарке.

— Ты поешь, Ананий, а то не выдержишь до конца, — говорит Анна, подкладывая кусок глухаринного мяса.

— Теперь выдержу, не впервой, — отвечает веселый Ананий, закусывает основательно. — Где же невеста? — спрашивает он.

— Такая она у нас неряха, ничего не умеет делать. Шить начнет, только пальцы исколет. Сварит суп, даже собака отказывается, — говорит для порядка Анна. — Нужна ли такая невеста?

— Мы знаем, какая мастерица Полинушка, знаем, как вкусно готовит, добрые люди рассказали, — разубеждает сват.

Снова бежит Ананий к жениху, рассказывает, какая «неумеха» его невеста.

— Скажи, что нужна она мне и такая.

— Жених говорит, что согласен он взять такую невесту, — сообщает ур-ку Анне и Егору волю жениха.

— Растеряха она у нас: пойдет дров принести, рукавицу потеряет, станет посуду мыть, перебьет всю. Как отдавать за муж? Бить будет муж такую жену, — говорит Егор.

— Не будет бить. Хорошая хозяйка наша невеста. Знаем, люди хорошо говорят, — отвечает Ананий и снова опрومتью к жениху.

То бедность невесты, то еще какой изъян Егор с Анной найдут у своей Полины. Ананий уверяет в противном, каждый раз выпивая рюмку. На шестнадцатый раз Анна говорит уставшему и уже подвыпившему свату:

— Зови всех, замерзли, поди, на улице. Брюхо погреть, пусть котел поставит жених и два оленя, двести белок, три выдры и два платья пусть готовит.

На лице ур-ку появляется настоящая улыбка: дело сделано. Не зря он старался, хлопотал. А выкуп давно уже оговорен с Егором и с собой имеется.

— Устал я, Алешка, — говорит он наконец жениху, — неси калым!

Пока собирают меха в узел, мать Алексея Зоя и Валентин — отец отряхивают малицы, приводят себя в порядок, не спеша направляются делегацией в дом Анны. Следом за ними, уже слегка пошатываясь, несет калым Ананий. Старший брат Алексея с другом закололи оленя, развели костер, поставили большой котел на огонь. Народ, увидев дым от огня, слышав, что мясо оленя уже варится, подтягивается к дому Анны. Давно не сватались в селении по-настоящему.

Невеста уже в доме.

ЖЖ

Гости поздоровались и, не торгуясь, достают шкурки, складывают на комод в углу: связки белок, шкуры выдры, отрезки на платья. Анне понравились и Валентин, и Зоя своей основательностью, несуетливостью.

— Вот невеста, — показывает на стоящую в стороне Полину Анна. Глаза у Алексея загорелись, но он остался на месте. — Садитесь рядом. — показала она молодым на шкуру оленя. Они сели на одну шкуру за маленький столик, на котором стоял уже в маленьком чайнике заваренный специально для них чай и две кружки. Гостей позвали за стол — продолжить разговор.

— Дети наши давно знают друг друга, — начала Зоя, кивнув в сторону молодят. — Мы издалека приехали, так что свадьбу сегодня сыграем, наверное. — она пытливо посмотрела на Анну.

— Сегодня и сыграем, — согласилась Анна.

И начался пир. Все люди селения пришли. День теплый выдался. Кто на улице устроился, кто в избе. Песни полились над старым Вахом, пляски пошли полным ходом. Веселится народ.

Увезли на третий день невесту. Усадила Анна сама Полину на нарты, вернулась в дом за женихом:

— Пора тебе ехать, — отец, мать ждут, солнышко уже высоко, дорога дальняя.

Провожала Анна свою доченьку с легким сердцем: добрые люди эти Тылнины. Знала, что не будет терпеть обиды от мужа своего Полина. Помогите вам, Боги небесные, прожить долгую и счастливую жизнь. Народите детей на радость себе и нам, родителям вашим.

И снова жизнь Анны вошла в привычные берега. Только Полина приезжает теперь от случая к случаю, а не по привычным для нее каникулам. А Карай так же, заслышав вертолет, стремглав летит на посадочную площадку, так же встречает все пристающие к пристани катера и самоходки. Так же и Анна ходит почти каждый день на могилки — ленкаса-ягапугол — юрты покойников. Только там она может поговорить с усопшими. Она слышит их голоса, задает им вопросы, они отвечают. Они спрашивают ее, и она говорит: «Все хорошо у нас, только вас нет рядом». Отрешаясь от всего земного, в эти минуты она проживает те давно минувшие дни заново. Много дум так передумала. Карай не отстаёт, а уж если нужно пробежаться, ноги размять, лизнет руку, и только его и видели. Прибежит, снова лизнет, в лицо хозяйке посмотрит — все ли в порядке?

— Бегай сколько хочешь, только не ходи к вертолету, плохие люди есть, — который раз повторяет она своему верному другу.

Глава XIII

— А потом все кончилось. Все — враз, — Егор посмотрел на меня влажными глазами, прикурил очередную сигарету, тяжело вздохнул, словно собирался преодолеть последний, самый сложный барьер. — Мне люди сказали, что Карая увезли вертолетом. Какой-то высокий усатый мужчина. Он с собакой выходил, с сучкой в охоте, видимо, и Карай прыгнул за ней в машину. Это прошлой осенью случилось. Сын Полины Сережка как раз в первый класс пошел... Анна слегла. Долго, однако, болела. Никого не пускала к себе. Принесу ей рыбы, хлеба да так чего-нибудь покушать — молчит. Что ни спрошу — молчит. Только один раз сказала, заливаясь слезами: «Белого Старика видела...» — «Что, — спрашиваю, — сказал Старик?» — «Не буду говорить, не хочу злых духов тревожить». Ни слова больше от нее никто не слышал. Молча ходила на кладбище. Худая стала. Откуда силы только брались. Рыбки немного настругает, чаю попьет — и вся еда. Как морозы установились, дома затворилась. Пришел как-то к ней, а ее нет дома. Изба уже холодная, ночью не топилась. Следы замело: всю ночь метель гуляла. Соседей спрашиваю: не видел ее никто. Я «Бураном» все объездил, никаких следов не нашел. В сторону кладбища не один десяток раз смотался, все напрасно. Людей поднял, все прочесали, не нашли. До Полины весть недобрая дошла. Бросила она все, примчалась. «Искать, — говорит, — маму буду».

Егор уже не мог владеть собой, он вытирал слезы рукавом, часто останавливался, собирался с силами, продолжал дальше. Ему нужно было выговориться. Нет сил держать в себе столько нерасплесканного горя и неизлитых страданий. «Где же, — спрашиваю, — искать будешь, если я уже каждый метр обшарил». А она все свое: «Искать маму буду».

Мы с ней по-новому все прочесали — не нашли Анну.

Полина поселилась в своем родном доме, где все напоминало ей о маме, каждая вещица возвращала ее в беззаботное детство, но душа не находила покоя. Приходили односельчане, пытаясь успокоить, утешить ее. Соседка, поселившаяся в доме умершей Ефросиньи, как-то принесла вина. На время ее горе отступило. Утром болела голова, тошнило, но ощущение вчерашнего вечера она запомнила.

На лыжах-подволоках, взятых у Егора, Полина упорно обходила окрестности уже не один десяток раз.

Егор узнал от людей, приехавших из Ларьяка, что видели Карая, бродившего у школы-интерната. Сбежал от своего невольника. От еды он отказывался. Потом его видели в стойбищах. Охотники рассказывали, что находили странные следы в далеких урманах не то волчьи, не то собачьи. Егор не сомневался, что это были следы Карая. Направление следов указывало на то, что собака двигалась в сторону их селения.

Не нравилось Егору, что Полина стала выпивать со своей соседкой. Соседка, одинокая женщина, потеряла семью из-за пьянки. Пытался пожурить племянницу, но та уже не прислушивалась к его словам.

— Я сама знаю, что мне делать, — грубо обрывала она его нравоучения. — Ты маму найди, а не учи меня, — говорила, словно укоряя его.

Уже первая капля напомнила о приближающейся весне, хотя на календаре-то давно уже весна. Наст окреп, и можно было больше обходить на лыжах. Полина сначала шла пешком по наторенной буранице, затем надевала лыжи и обходила все небольшие гривки, бороздила болота вдоль и поперек. Днями теплело, подтаивал снег, налипал на лыжи, и она прекращала поиски. Вечером приходила подружка...

Тот день начинался обычно. Полина прошла по буранице больше, чем вчера. Каждый день так получалось. Остановилась, решая, куда направиться сначала. Ноги понесли ее сами. Только у самой гривы она стала всматриваться в снежные наносы на пеньках, наклоненных стволах деревьев, некоторые коряги уже освободились от снега. Редкие тени низкорослых сосен по краю гривы распятнали снежную равнину разнообразными узорами. Мысли запутались в кружевах.

Вспомнился сон, что приснился под самое утро: долго пробиралась на лыжах через высокие горы. Луна сменяла солнце, а она все шла и шла. Ни птиц, ни зверей не встретила она на своем пути. Скалы отвесные стоят по сторонам. Лица стариков на скалах по обе стороны смотрят на путницу. Поклонилась им Полина, дальше пошла. Так долго она меж скал петляла — дорога долгая, так вышла на большую поляну. Свет серебряной рекой течет полноводной, а посредине юрта золотая стоит, и возле юрты Белый старик Алли-ике. Лицо у него доброе, знакомое Полине. Присмотрелась — лицо отца с той фотографии смотрит на нее, только борода седая.

— Маму ищу, — говорит Полина, — не скажешь ли, в какой стороне искать.

— В ту избу иди, дальнюю, — махнул рукой Старик. Еще что-то сказать хотел, но проснулась Полина.

Опамятовалась от видения Полина, смотрит: идет уже по краю гривы вдоль ручья. Бывала она когда-то здесь с Егором, знала, что в верховьях ручья избушка есть. Угодья деда, а теперь Егора. Рассказывал как-то, что мама там охотничала. Она шла по высокому месту. Внизу занесенный снегом ручей, справа чистый сосновый бор, в глазах рябило от теней и солнечного блеска. Чувства ее обострились, что-то заставляло всматриваться в каждую тень. На пригорке снег уже подтаял, местами обозначились углубления вокруг деревьев, обнажая зеленый брусничник. Вдруг ее привлекла какая-то коряга у самого распадка. Сердце затрепетало, ноги побежали... Она остановилась как вкопанная: из-под снега виднелась рука, державшаяся белыми восковыми пальцами за вывороченный корень. На среднем пальце Полина увидела знакомое серебряное кольцо. Брызнула в глазах яркая вспышка, оборвалось внутри, Полина отпрянула в сторону, побежала в глубь гривы. Из-под самых лыж, из снежной глубины, громко хлопая крыльями, разбрасывая снег, поднялась копалуха и, набрав высоту, развернулась, протянула вдоль ручья, усе-лась на верхушке сосны недалеко от того страшного места. Полина, словно зачарованная, не сводя глаз с птицы, тихо переставляя лыжи, приближалась к дереву. Копалуха с лицом матери не шевелилась. Мама смотрела на нее, и слезы капали из ее неподвижных глаз на снег большими каплями, гулко ударяясь о твердый наст. Большой стала птица. Полина уже различала ее крепкие лапы, обнимающие толстую ветку человеческими пальцами. На среднем пальце — серебряное кольцо...

— Мама! — крикнула громко Полина. «Мама!» — эхом отбилося от противоположного берега. «Доченька моя! Доченька моя!» — дробилось по бору.

Копалуха распахнула крылья, закрыла солнце.

Света не стало.
Холодом дыхнуло в лицо.
На время все исчезло.

Полина раскрыла глаза. Кроны высоких сосен беззвучно висели в вышине. На лице растаял снег, смешавшийся со слезами.

Улетела душа мамы.
Куда улетела?

Встала Полина, пошатываясь, отряхнула лохмотья снега и побрела домой, не замечая ничего вокруг.

— Душа Анны в нее вселилась, — сказал после паузы Егор. — Сама не своя стала. У нее в глазах огонь погас. Со всем другие стали глаза. Похоронили Анну рядом с Яшкой, по другую сторону — Ефросинья. Сама выбрала это место. Полина, как и Анна раньше, не плакала. Чернее земли лицо сделалось. К мужу она больше не вернулась. В доме Анны жила. Алексей приезжал, упрасивал. Вместе с сыном приехал, отмахнулась: «Уходите, маму искать буду!» — «Похоронили маму», — говорит ей Алексей. «Нет, — говорит, — она ушла в избушку. Мне отец сказал. Искать ее буду». А весной Карая нашли в зимовье, где охотились когда-то с Анной. Все сухари съел. Столько голодом бродил, ни из чьих рук еду не брал. А тут родной дух. Не выдержал желудок... Не дотянул он до селения... Нашли его под навесом. Вот так... К нему она шла... Один поворот остался. Немножко не хватило сил. Трясучая ее одолела, а Карая рядом не было. Она знала, что ее Карай в избушке, а ты сомневаешься... С тех пор вот и ищет маму Полина. Она и в Новоаганске у брата была, и в Ларьяке искала, вот в Нижневартовске уже второй раз. Год уже бродит как неприкаянная. Только про избушку не вспоминает. Бойтся... — закончил Егор и затих, уставившись в окно.

Егор протер глаза кулаками, покачал головой, достал фотографии. Я отметил, что Полина походит на свою мать. Пообещав, что завтра утром отвезу их в аэропорт, я попрощался.

Желающих вылететь вертолетом было значительно больше, чем посадочных мест, поэтому давка образовалась невообразимая. Вышла из диспетчерской знакомая уже мне Валентина:

— Сегодня борт заказан для детей. Группа детей летит из дома отдыха, так что возьмем только шесть человек, — объявила она не терпящим возражения голосом. И прочитала список. Егор и Полина значились в числе счастливиц.

После этих слов люди безропотно побрели обратно в гостиницу. Тихо, без лишних слов, без ругани и скандалов. «Ну что поделаешь — в субботу улетим».

Привезли детей. Они дружной стайкой вышли из автобуса, сложили свои сумки, пакеты в кучу. Видно было, что они уже привыкли к переездам и действовали довольно организованно. Руководитель группы молодая воспитательница громко скомандовала:

— Далеко не расходиться. Оля, — обратилась она к девочке постарше, — посмотри за порядком. Володя Кунин, вернись обратно! — крикнула она озорному мальчугану.

Среди детей оказался и сын Полины Сергей.

Она подошла к нему.

Не обняла его, не расцеловала, как делает любая мать после долгой разлуки с ребенком, а как-то развязно сказала:

— Сережка, дай мне соку, я уже неделю ничего не ела, — и попыталась взять из его рук пакет.

Сережка отдернул руку, повернулся к ней спиной, опустив голову. Он стеснялся своей матери.

— Ты мне сын или не сын?! — требовательно проговорила она и снова попыталась взять сок. — Вот найду твою бабушку — все ей расскажу, — по-детски обиделась Полина.

Я наблюдал за ними. Мальчишка отбежал, сел на дальнюю скамейку. Полина вновь подошла к нему. Мне из машины не стало слышно их голосов. Но мальчик опять отбежал в сторону. Полина осталась сидеть. Я видел только ее спину. Она низко уронила голову. Плечи ее вздрагивали. Сережка, не сводя глаз, наблюдал за ней, но что-то сдерживало его.

Но вот он осмотрелся, понял, что каждый занят собой и никому нет до него дела, и тихонько подошел к своей маме и протянул ей сок.

О ЧЕМ ДУМАЕТ КУЗЬМА

* * *

— О чем задумался, Кузьма?

— Как жить, думаю, — вздохнет тяжело, не отводя взгляда от огня.

В наступившей темноте лицо его то вспыхивает, то вновь сравнивается с ночью. Костер уже прогорел и пышет красным жаром. Кузьма поворачивает падаушку, пыхтит. Надувая щеки, он сдувает дым, вертит головой, уворачиваясь от надоедливого, отдергивает руку от углей.

Возникшая пауза нас не тяготит.

Я ищу заварку в кармане рюкзака, не отрывая взгляд от красноокого затухающего костра и от задрожавшего наконец-то чайника. В густой темноте глаза не помогают. Пальцы натываются на рассыпанные спички, жирный на ощупь свечной огарок, какой-то патрон. Ага — пулевой. Варежки... Шелестнул под пальцами полиэтилен... А вот и искомый пакет с заваркой. Достая вслепую, на ощупь открываю и высыпаю сначала в руку, оттаскиваю чайник на край уже горячей поперечины и засыпаю в притихший кипяток. Чайник зашипел открытой пастью и поперхнулся от неожиданности. Крышки у этого чернопузика отродясь не было. Сколько чаю выхлебали из этого гнупого чайника с

алюминиевой проволокой вместо ручки? Сколько раз обогрел он нутро замерзающим путникам?

Кузьма снова поворачивает надаушку — распластанную щуку, насаженную на специально выструганный деревянный шампур.

— Квартиру предлагают, — продолжает он. — Как думаешь: на каком этаже брать? Мне сказали, что выбрать можно.

— Ну... — я отвернулся от кстати наверхушегося дыма, дающего мне возможность посоображать, — второй, третий обычно самые ходовые.

— Нет, — подумал и отмахнулся от дыма Кузьма, — по-нашему, в лабазе не живут. На земле жить нужно. На первом возьму.

Снова тишина.

Я знаю, что Кузьма давно решил, на каком этаже будет жить, но проверяет, совпадет ли его мнение с моим.

Часто не совпадает.

Мы разные...

* * *

Как-то по дороге на стойбище решил Кузьма проверить мордушки.

— Давно не смотрел. А на обратном пути еще раз проверим, — прокричал он, перебивая ревуший двигатель снегохода.

Я кивнул головой.

Свернули с накатанного зимника. В лесу прямой дороги не бывает. С надрывом ползет «Буран», продираясь сквозь густой кустарник, пересекаем ручей один раз, другой, выбираемся из тесноты ивняка, и уже березки захо-

роводились во-круг, потом горельником прошлись, снова ручей. Кузьма пытается держаться старой буралицы — уже заметенного местами следа снегохода. Солнце то слева, то спереди, то уже с правой стороны мелькает сквозь молодняк. Долго петляем. Устал уже уворачиваться от свистящих веток, норвящих съездить по физиономии. Кручусь на нартах, как чебак на крючке. Наконец-то выныриваем из-под густого куста ивняка, и снегоход прытко устремляется вниз к реке.

Кузьма глушит мотор. Тишина непривычно звенит в ушах. Пока я прихожу в себя, разминаю ноги, отряхиваю налипший снег, Кузьма уже работает пешней. Со стороны кажется легко, с ленцой — тюк, тюк, тюк. «Ук, ук, ук» — отбивается от высокого противоположного берега эхом. Лед брызгает шелестящими осколками.

— Дай потюкаю.

— На! Я пока вариаторный ремень подтяну — буксует. Кончается уже. Тама заменю, — махнул Кузьма в сторону стойбища.

Сначала пешня летает играючи. Но получается не так ловко, как у друга. Не после каждого удара удачно скалывается лед, приходится ударять несколько раз в одну точку. Кузьма дважды в одно место не бьет. Снимаю шапку, расстегиваю меховую куртку. Согрелся, однако, быстро. «Тюк-тюк-тюк». Стало жарко, снимаю куртку. Увлёкся, пот уже струится ручейками. Я и не замечаю, что Кузьма, управившись со снегоходом, стоит сбоку и улыбается:

— Что, сало топится? Совсем жирным стал. Чаше в лес ходить нужно.

Я молчу, чтоб дыхание не сбивать. Снимаю свитер. Снова волоочиваю с силой пешню в неподатливый лед, выбрасываю крошево ногой.

— Скоро и майку снимешь, — Кузьма берет из моих рук пешню. Я и не противлюсь — устал.

«Тюк-тюк-тюк». Кузьма не частит, бьет реже, но взмах ловкий, и лед откалывается большими кусками. Работает легко и, кажется с ленцой...

Уже на стойбище, потягивая ароматно заваренный чай со смородиновыми ветками, я спросил Кузьму:

— Почему ты запетлял, как только свернул с зимника? Там же напрямую от дороги до реки не больше двух-трех километров, а наворочали все десять.

— Так... от людей прячусь. Напрямую натопчешь след — пешком ходить будут, мордушки проверять будут, — он поймал взглядом синичку за окном, отвлекся. Желтобокая птичка по-хозяйски прыгала по кормушке, словно изучала запасы подсыпанного Кузьмой корма, цвикнула, клюнула, оглянулась. Подлетели еще две подруги. Кузьма улыбнулся, показывая чашкой в окно.

— Рыбы не жалко, — продолжал он, — пусть возьмут, сколько нужно; мордушку вморозят: бросят как-нибудь. Человек, когда ворует, — спешит. В прошлую зиму сетку вморозили, так и пропала. Пока выдалбливал — всю порвал. Им лишь бы рыбу снять...

* * *

Приехал Кузьма в поселок, где в то время я работал в амбулатории, размещенной в бараке, каких там было множество. Почитай, все жили в таких приземистых длинных шитовых бараках на несколько семей каждый. Возводились они на скорую руку, а потому, несмотря на их скромный возраст, многие покосились боками или прогнулись хребтами, что, при их наружной серости, вызывало к себе жалость со сто-

роны редких гостей и понятное равнодушие жильцов. Все примелькалось, свыклось.

Кузьма сначала посетовал:

— Избы у вас схожи, улицы тоже — спутать можно. Только по белым занавескам нашел больницу, а там уже и дом твой, — начал он.

Воздух тоже здесь другой, и людей много, и шумно от машин. В то время Кузьма постоянно жил на стойбище, и суетная жизнь ему казалась пустой и зряшной. Вот в лесу — там жизнь. «Как люди живут? Как муравьи копошатся», — бросил он в сердцах, пока я возился на кухне.

— Шибко зубы ломит. Ни днем ни ночью покою нет, — за чаем поведал он.

Я теперь уже знаю, что, пока чаю не «пошвыркаем», о деле Кузьма толковать не будет. Не любит на ходу трещать. Вот сядем, чаю нальем, нутро согреется, вот тогда и разговор клеится и сам собой ведется как надо. Теперь-то я знаю. Уже два года знакомы.

— Полечим у меня, — говорю, — а вот вставлять в Мегионе придется, но там платно... У меня протезистов нет.

— Кого нет?

— Тех, кто вставляет зубы.

— А-а-а, — понимающе протянул Кузьма. — Но у меня нет денег. Рыбу сдали еще два месяца назад, а деньги не заплатили, но шкурки есть: два соболя, лиса, белки... Маленько охотился...

— Договоримся, доктор там знакомый...

На том и порешили.

Время до вечернего приема стоматолога еще было, и мы зашли к моему водителю Анатолию Андриюшенко. Кузьма как-то намекал, что хочет посмотреть, как картошку сажать, морковку, зелень там всякую.

— В лесу себе посажу, хоть и непривычные мы в земле ковыряться.

Толя умудрился рядом с баракком огородик небольшой обиходить. Жена его агроном, а потому, получив квартиру после брезентовой палатки и комнаты в общежитии, в первую очередь попросила мужа огородить кусок земли, вернее, песка. Соседи, обалдевшие от счастья, связанного с новосельем, смеялись над сумасбродной бабой и согласились на прирез пустыря под окнами в пользу агрономши. Теперь вот локти кусают.

— Вот уже картошка взошла, — Толя с удовольствием показывает свое хозяйство.

В теплицах высаженные помидоры, кое-где набравшие цвет, от прикосновения отдавали густой запах. Теплицы — особая гордость Толи и его Галины и, естественно, предмет зависти всего поселка. Никому таких крупных плодов вырастить не удастся, хоть и не скупится на советы агрономша, но напрасны старания.

Кузьма ходит, молчит.

А что тут скажешь? Слушать нужно, что люди скажут. Тут и Галина подошла и давай нараспев лекцию читать. Сразу видно, что не впервой.

Кузьма еще пуше задумался...

Кто помнит те бормашины, вызывавшие «шок и трепет» еще задолго до экзекуции, тот знает, почему Кузьма еще часа два после посещения стоматолога молчал, лежа на диванчике, уставившись в потолок.

— Чаю поставь, — наконец промычал он, придерживая щеку и шаркая тапочками.

— Больно? — спросил я его.

Кузьма стоял спиной и смотрел сквозь окно вдаль, словно не слышал моего вопроса.

— Да так. Не пойму: болит или не болит. Неловко как-то, — с опозданием молвил он. — Я вот думаю: помидоры — как растут? На кусту или их выкапывают, как картошку?

— На кусту, — удивился я такому вопросу и улыбнулся: — Ты же видел: они цветут.

— Картошка тоже цветет, однако, — сказал он тихо, помешивая чай.

* * *

Фото пленки, как это водится, имеют странное свойство куда-то исчезать, разбегаться по ящикам, захлапленным разным ненужным барахлом. Четыре выходных на майские праздники подвигли меня на большое дело: отыскать и напечатать пленки пятилетней давности. Тогда я сделал пробные фотографии и спрятал работу на «потом». И вот это «потом» растянулось на пять лет. Предстоял приезд Кузьмы с Дусей на праздники, и я решил воспользоваться их помощью, тем более что с трудом найденные фото пленки таили в себе много интересного для моих друзей. Пять лет назад я со своим другом Толей Вологжаниным охотился во владениях Кузьмы. Несколько пленок запечатлели их родственников, живущих на берегах живописнейшей реки Вать-Еган.

— Ну, что, Кузьма, — за чаем спросил я своего друга, — поможете мне с Дусей фотографии печатать? А то одному несподручно...

— Так мы не умеем, — тихо проронила Дуся.

— Мы ни разу не печатали, — Кузьма растерянно посмотрел на меня.

— Ничего, научитесь. Я буду печатать, а вы проявлять.

— Ладно, научимся. Интересно посмотреть.

— Убили Витьку. В прошлом году в лодке нашли с простреленной головой.

— Вот Максим...

— Умер...

Я не слышал уже голоса Кузьмы.

Я смотрел на разложенные в беспорядке фотографии и видел Алексея с его маленькой женой, стоящих на пороге своего углого домишки, рядом на дощатом полу ползает маленькая дочурка, а из-за отцовского плеча выглядывает Ленка — старшенький. Тогда ему исполнилось десять.

Вдруг Витька поднимается с реки. Лицо его, как всегда, лучится радостью. Вот он рассказывает, красочно жестикулируя, как учил ленивую собаку, подвязывая ее на ночь так, чтобы она стояла только на задних лапах. «Утром беру ее на охоту. Работает, как угорелая — ноги разминает», — хохочет Витка.

Всегда бледный и страшно худой скуластый Максим молчаливо курит «Приму». Он мне запомнился тихим и молчаливым, с тяжелой грустью в глазах. После смерти отца Усть Ивановича он совсем осунулся, замкнулся. Он такой же на фотографии: худой и бледный.

А вот Усть Иванович рядом со своими оленями.

...Нет уже Усть Ивановича, нет его оленей, нет и сына его Максима...

...Там Анна на одной фотографии с Лукиным. Николай не фотографировался: «Зачем меня такого будешь фотографировать?» — проговорил он в ответ на предложение стать перед фотоаппаратом. Он не хотел выглядеть слабым...

И только Пашка, сын Кузьмы, весело шагает в будущее с огромной кружкой воды... Я горжусь этой фотографией и считаю ее лучшей в жизни...

Вот тогда-то я и решил, что обязательно когда-нибудь напишу об этих простых людях с такими непростыми судьбами, заплетенными этим взъерошенным временем.

И вспомнились мне слова мудрого Усть Ивановича:

— Мы хотим, чтобы нам не мешали жить по-нашему. У нас одна вера, у нас и судьба на всех одна, что на Агане, что на Вахе или где-нибудь еще. Каждый живет в своем урие, в своем бору, но все едят одну рыбу и носят одинаковые одежды. И мы все молимся одним Богам.

Зимник

Буран навалился в пути. И прошло-то не более часа, но он полонил нас, и в этом вихревом ветровороте, казалось, не будет уже ни солнца, ни света. Низкие, корявые сосенки на неоглядном болоте исчезли в белых завертях пурги, и, отыскивая хантыйское стойбище, до боли всматривался я во мглу, боясь в снежной пелене не угадать натоптанный за зиму олений путь. Светало. Волком, упускающим добычу, взвыл буран, заглушая натруженно ревуший двигатель «уаза».

Среди сугробов, на торосе дорожного отвала, поджав под себя ноги, сидел человек, а в том, как аккуратно были уложены на коленях его руки, чувствовалась безысходность и покорность пережившего не одну непогоду. Когда мы поравнялись, он пошевелился, повернул голову, роняя с капюшона лохмотья снега. По толстым очкам-линзам я узнал старого ханты-старожила. Вышел к нему, протянул руку.

— Здравствуй, Усть Иванович. Что в такую погоду?

— Траствуй, токтор. Человека жту.

— Случилось что?

— Ничего не случилось, — отвечал он каждый раз коротко с характерным для ханты «т» вместо «д».

Голос его дрогнул. Он суетливо протер очки, зачем-то вытащил трубку, убрал ее, втянув через рукав под малицу, вконец растерялся. Казалось, он извинялся за присутствие на зимнике в такую погоду.

— Не болеешь? — перевел я разговор на нейтральную тему.

— Так, ничего, только глаза шибко плохо витят. Вчераш клухаря стрелял, промазал. Шипко плохо глаза витят, шипко плохо, — закряхтел старик.

— Кузьма-то дома?

— Тома, тома. И Кусьма и Туся — все тома.

Километра два-три мы шли почти на ощупь. Оленью дорожку занесло, только кое-где видны углубления в снегу от следов старика. Ветер утих, тучи быстро прогнало на север, и выкатилось солнце. Яркий снег-переновок слепил глаза до боли. Мы с водителем Иваном, человеком надежным и многоопытным, шли сосновым бором. Много дорог вместе исколесили. Вот и олени. При нашем приближении они встали, насторожились, но убежать не спешили.

Показались хантыйские избы, срубленные из нетолстой сосны. Небольшие и непохожие на крепкие русские пятистенки, по самые окна занесенные снегом, они немногим больше метра возвышались над сугробами. Плоские крыши, скошенные с обеих сторон, повторяли двускатную форму потолка. За избами виднелись лабазы, сделанные особым образом и служившие лесным жителям для хранения провизии, шкур.

Собаки, привязанные к вбитым кольям, не имели крыши над головой в виде собачьих будок. Они спали прямо на снегу в вырытых углублениях. Увидев нас, громко залаяли. Но в их лае не чувствовалось той оголтелой ярости и ненависти к человеку, как у дворняги, сидящей на цепи.

— Кучум, ты что, меня не узнал?

Большой, черный с белым воротником пес сразу завил хвостом, опустил, как будто смутился, голову и залаял с повизгиванием. Узнал, конечно, узнал, но свою работу сделать обязан. Подавать голос хозяину — его обязанность. И старый пес это усвоил еще с детства. В тайге, на охоте он — добытчик, дома — сторож. Недаром Кузьма так дорожит своей собакой.

— Сначала с собакой здороваешься, потом с хозяином? — Кузьма появился совсем незаметно на пороге избы.

Меня всегда поражало его внезапное незаметное появление. Лесной житель, он умел ходить бесшумно, терпеть не мог, когда в избе дверь скрипит или половицы «поют». Никакой посторонний шум не должен глушить лесную тишину. Я часто замечал, как ходят желваки на его скуластом лице, когда слышит он шум ревуших двигателей и лязг железа со стороны очередной нефтяной вышки.

— Я жду тебя. Слышу — «уазик» идет. Так что чай уже заварен. Заходите.

Поздоровались, посмотрели друг другу в глаза. Не виделись уже больше года. Не произошло ли каких изменений? Глаза вмиг расскажут больше длинного разговора.

— Там на зимнике Усть Иванович сидит. Кого-то ждет, что ли, в такую рань?

— Ждет! Каждое утро и вечер ждет, — как-то зло пробасил Кузьма. — Потом сам расскажет. Он тебя видеть хотел: болеет.

В избе, несмотря на раннее утро, никто уже не спал. Трехлетняя дочурка Галя с красным бантом на макушке бегала по избе и тискала кошку. Та слабо сопротивлялась, видимо понимая бесполезность своих усилий. Сын Павел приехал из школы-интерната на каникулы. Лицо его было серьезное и

какое-то недоверчивое: отпечаток интернатовской жизни вдали от родных. Из рассказов Кузьмы я потом узнал, как Паша тяжело расставался с родным домом. Словно птенца, пойманного в силки, увезли его осенью в первый класс школы-интерната.

В избе чисто, уютно, тепло. Дуся возле печки помешивала варево.

— Кузьма сказал, что доктор едет, вот я суп поставила: тебя ведь рыбкой не накормишь, — Дуся блеснула своими карими глазами, хихикнула. В избе витал нежный аромат косачинного супа.

— А у тебя, я смотрю, семейство уже сыто.

— Они давно уже встали: вчера Кузьма сказал, что ты приедешь, — ждут. Мне с тобой поговорить нужно...

— Вы тут с доктором поговорите, а мы с Иваном дров привезем, — надевая шапку, кинул уже с порога Кузьма.

— В лесу живешь и дров не наготовил? — хотел подтрунить над Кузьмой.

— А зачем мне их загодя готовить? Я ведь в лесу живу, — хитро усмехнулся Кузьма и уже серьезно добавил: — Мне «Бураном» по снегу сподручней дрова возить.

Дуся проводила мужа мягким, теплым взглядом, прикрыла за ним плотнее дверь, а для порядка проворчала:

— Дети по полу ползают, не лето ведь.

Дуся, худенькая, невысокого роста женщина, ловко управляется с хозяйством, успевает и суп помешать, и рыбу почистить, и маленькой Галинке по-матерински шлепок отвесить за озорство.

Любит ее Кузьма, и она ему отвечает взаимностью. Вместе с мужем ездит на рыбалку, сама может поймать оленей, снарядить упряжку, наколоть дров. Кисы сошьет и малицу спворотит. За детьми следит строго и Кузьму, если надо,

убережет от неверного шага, и он ей редко перечит. На вид хрупкая, она крепко держит хозяйство в руках. И все у нее ладно: и в избе чисто, и дети сыты и ухожены, и муж обласкан ее нежной заботой. Получили они с Кузьмой недавно трехкомнатную квартиру в Покачах. Поселок и назвали Покачи, потому, что построен на родовых угодьях его деда — Покачева Павла Ивановича. Места были ягодные, богатые боровой дичью. Ягель чистым светло-зеленым ковром устилал сосновые боры. Оленей помногу держали тогда ханты, населяющие пойму реки Вать-Еган и берега озера Имн-Лор. Покачевские угодья давали все необходимое лесным жителям, и они берегли свои сокровища. Рачительный хозяин лишнее из кладовой не возьмет. Инородным телом в глазу матери-природы сидит поселок. Не вяжутся, не гармонируют стекло, бетон с ягелем, молодыми соснами. И Кузьма со своей семьей не могут пока привыкнуть к новому жилищу. А с другой стороны, и школа, и детский сад. Все рядом. Паша во второй класс пойдет в школу, что напротив дома... Почему-то уже который раз мысленно возвращаюсь к старику на зимнике и, не находя ответа на свои вопросы, снова оказываюсь в этой простой и необыкновенно жизненной реальности.

— Я теперь работать буду, — с какой-то гордостью и решительностью сказала Дуся, прервав поток моих мыслей. — В детский сад пойду няней. Боюсь: справлюсь ли? — и засмеялась. Смех ее был ответом на свой же вопрос.

— В интернат я больше не поеду! — пробасил сердито Паша в углу.

Дуся рассказывала о своем житье-бытье. Ее страшит предстоящая новая жизнь в поселке. Я слушал неторопливый рассказ Дуси, прерываемый то Галей, то Пашей, то разыгравшейся кошкой, но мое воображение снова и снова навязчи-

во рисовало снежную фигуру Усть Ивановича. Что заставляет его ходить каждое утро и вечер на зимник? Кого ждет каждый день? Старый и больной житель леса мне сегодня показался совсем не таким, как я привык его видеть. Что-то его растревожило, раздавило. Всегда гордый и уверенный в себе старый воин, прошедший войну, представился мне нынче беззащитным ребенком.

День пролетел в обычных хлопотах. Кузьма привез дрова, нашел ушедших в дальний сосновый бор оленей. Затем проверили «мордушки», поставили две сетки под лед, поправили кораль для оленей, завезли две бочки бензина на весеннее стойбище: скоро перебираться на весновку, и «Бураном» тяжелые грузы забросить сподручнее. К вечеру устали. Невольно понимаешь, что жить в тайге ее милостью и дарами — большой, тяжелый труд. Как говорится: не потопаешь — не полопаешь.

Вечером завели бензиновый генератор и пили чай в освещенной привычным для горожанина светом избе. В углу беспрерывно вешал «Маяк».

— Как в городе, — кивнул я на электрическую лампочку. Я по осени привез генератор, отданный мне бригадиром строительства железной дороги за поллитровку спирта. «У нас такого добра навалом», — сказал бригадир. Старый генератор сгорел, и починить его Кузьме не удалось.

— Мы уже привыкли, — отозвалась от печки Дуся.

— Так-то оно хорошо, — подхватил Кузьма. — Обещают «Буран» новый. Этот я за две зимы изъездил совсем. На оленях-то все реже и реже ездим: мало осталось...

Я не стал спрашивать, сколько осталось, зная, что Кузьма не любит считать оленей. «Сколько есть — столько есть. Зачем считать? По-нашему, не нужно считать свое добро».

Кузьма отхлебнул суп, помолчал и продолжил:

— Нам без оленей нельзя. Но теперь тяжело стало с ними. Раньше я на лыжах находил их в лесу, а теперь «Бураном» по нескольку дней ищу. Далеко уходят: шарахаются, боятся всего. Везде шум...

Пришел Усть Иванович в новой футболке с нарисованной во всю грудь тигриной пастью и в меховых кисах. Он присел к столу, протирая очки-линзы и смешно шурясь. Пили чай. Разговор, как всегда, шел о рыбалке, охоте, об оленях, которым становится тесно в окружении дорог и нефтяных вышек.

— Земли мало становится, — заключил Усть Иванович.

Как точно и емко сказал! Ведь как назвать землей залитые нефтью болота, озера, исковерканные «ГТТешками» бело-мошные гривы?

Это уже не земля — это месторождение.

Одну тему все деликатно обходили. Я осмотрел старого охотника, выслушал сердце, измерил артериальное давление и остался доволен осмотром: сердце работало ритмично, давление сто сорок на девяносто — для его возраста хорошее. Рубец от ранения в правое легкое смотрел вороньим глазом из правой лопатки. Но терпеливый охотник не стал жаловаться на одышку:

— В лесу востух чистый, тышать легко.

Плохо обстояло дело с глазами: веки воспалены, ярко выраженный сосудистый рисунок на белочной оболочке. Явные признаки конъюнктивита, который развивается от холодного ветра, яркого весеннего солнца, кратно усиленного его очками-линзами. Старику нужен покой и лечение в домашних условиях. Особенно вреден яркий солнечный свет. Я достал из сумки глазные капли, мазь, рассказал, как пользоваться.

— Неделю нужно полежать дома, дать глазам отдых. На яркое солнце и холод выходить нельзя.

— Мне нельзя лежать, мне мушика встречать нато. Он мне приемник и пять бутылок водки привезет.

И тут он рассказал странную историю, как он отдал три оленьи шкуры какому-то водителю «Татры», а тот пообещал привезти приемник и водку. Вот она причина ежедневных его дежурств! Старик знает график выезда машин из автобазы и время возвращения. И ежедневно утром и вечером выходит он на зимник в надежде, что его водитель остановится и отдаст обещанное. Пройдут восемнадцать машин — и он идет домой. И так каждый день: утром восемнадцать машин, вечером восемнадцать машин.

И не хочет он верить в то, что его обманули, не может он этого понять, потому что он САМ договорился и ТОТ пообещал. Не может старый лесной житель поверить в обман. С ним еще такого не было за всю его длинную жизнь.

— Усть Иванович, не нужно больше ходить на зимник, — сказал я старику, — обманул он тебя, пошутил он.

— Мушик не шутил, мушик серьезно сказал, — твердо и упрямо ответил он.

— Ты хоть запомнил мужика, машину, номер?

— Мушик с усами, на красной «Татре».

Да, не густо: все они с усами, и «Татры» все красные. Старый охотник отвернулся.

— Мне его встретить нато. Вдруг он приетет, а меня нет. Как он отдаст? А он потом мучиться путет. И после смерти его душа не путет спать покоя. По-нашему, кто долг не оттаст, шибко мучиться путет на том свете.

Он отвернулся и замолчал.

Мы уезжали на следующий день вечером. Возле нашего «уазика» на высоком снежном сугробе сидел Усть Иванович, ждал возвращения машин из месторождения, где они вели отсыпку. Еще долго мы видели его в зеркале заднего вида,

пока он не исчез за поворотом. Всю дорогу в глазах стояла фигура старика, беспокоящегося о чьей-то душе.

Через несколько дней я заехал на автобазу, привез водку и новенький, в упаковке радиоприемник, попросил одного усатого парня отвезти тому старику. Оказалось, эту историю с оленьими шкурами все водители знают. А должник уволился и отбыл к себе на родину.

Осенью я приехал к Кузьме уже в новую квартиру. Дуся устроилась на работу, и Галя пошла в тот же садик. Паша ходил в школу и был очень доволен, что теперь ему не нужно уезжать от родителей в интернат. Кузьма по-прежнему работал штатным рыбаком и дома бывал редко. Он рассказал, что Усть Иванович умер той весной, вскоре после закрытия зимника. Поручение мое усатый водитель выполнил, но Усть Иванович не притронулся к водке и приемник не распечатал и по-прежнему каждый день ходил на зимник. Уже в распутицу весенним днем он собрался на оленях — якобы искать осину для обласа и не вернулся...

Нашли его 9 мая. Олени паслись рядом, запряженные в упряжку. На нартах лежала привязанная бензопила и топор. Старый охотник сидел под огромной осиной, прислонившись к ней спиной, уронив голову на грудь, украшенную боевыми орденами, которые он надел впервые со дня Победы далекого 1945 года. Руки его аккуратно, ровно лежали на коленях.

Смертельная мечта

Теплый порыв весеннего ветра легко коснулся смоляной шевелюры. Ефим пригладил волосы рукой, — ему почудилось, будто кто-то тронул его. «Отец», — показалось ему.

Ефим оглянулся, но никого за спиной не было. Вчера вечером вспоминали с Анной отца Ефима — вечно седого Антона Афанасьевича. Так он когда-то, подойдя тихой неслышной походкой, трогал его проволочные вихры. И тогда Ефим отрывал взгляд от костра, смотрел в обветренное его лицо. Белые волосы отца окрашивались красным цветом догорающих углей, в неподвижных глазах прыгали огоньки. Долгую думу думал отец, глядячи на Матерь-огонь. Как бы далеко ни возвращала память Ефима в прошлое, он помнил отца седым. Он всегда был седым. Что видели он и его сверстники в жизни такого, что обелило их головы еще в юности? Не любили старики о том сказывать. Бывало, табак у костра курят, посмотрят друг другу в глаза, вздохнут тяжело:

— Ох-ох-хо-хо! — вздохнет один.

— Ох-хо-хо! — выдавит дым другой.

Поговорили.

Об одном думают, одними стежками по краю пропасти ходили. Так до самой смерти боялись сказать что-то главное. Мудреные слова произносили: «И у кедрa уши есть», «Вам того знать не нужно». Ефим дивился: «Что они знают такого, что другим знать нельзя?» Но расспрашивать не решался: не говорят, значит — так надо. Так научен был сызмальства. Старшие сами скажут чего нужно. А лишнее зачем человеку знать?

Об оленях часто говорили: то о пастбищах потолкуют, что, мол, ягель за Светлым озером устал от оленьих копыт и другое место на это лето искать нужно, а то совсем вытопчут; то болезни донимают оленей: копыта у них болячками пойдут или еще чего приключится. А то от медведя по весне урон станется. Да мало ли хлопот с оленями... Дети слушают старших, молчат. Впитывают. Пригодится. Еще и сами не знают, что им пригодится, а слушают внимательно. Много интерес-

ных историй старики сказывали, и даже те, поросшие мхом, что их деды когда-то так же за чаем у теплой печки поведали своим малышам, будущим седым оленеводам.

— Оленей береги, Ефим, — повторял не раз отец. — Кончатся олени, и ханты кончатся. Что хант без оленей? Это что птица без крыльев, что облако без ветра, что дерево без листьев.

Ефим сидел на краю сосновой гривы. Впереди простиралось большое болото, что тянется до самого озера Имн-Лор. Там, на берегу озера, когда-то весной и родился Ефим. Говорят, весна — хорошее время для рождения. Крепкими растут весенние дети. И Ефим на здоровье не жаловался. Только вот с прошлой зимы в груди шибко давит да огнем жжет. В больнице лечился. Месяц уколами потчевали. Уж не знал потом, где болит шибче... Сесть не мог... Волноваться, говорят врачи, нельзя. А как тут не волноваться?

Ефим повернул голову. На склоне, где уже протаяло, стоял его последний олень, привязанный к сосне, — все, что осталось от отцовского стада.

Славило в груди, подкатил ком к горлу. Ефим достал душистую таблетку: привычно запекло во рту, морозом обдало язык, горло. Задышалось легче, расправились плечи... Он встал, спустился по натопанной тропинке вниз к болоту, еще не освободившемуся от снега, зачем-то оттащил срубленную сосенку подальше в сторону. Площадку для вертолета подготовил еще вчера. Снова не спеша поднялся на свое место.

* * *

...Я приготовил завтрак на скорую руку: суп из двух добытых вчера рябчиков и любимую Кузьмой жареную картошку. Неизвестно, когда он прилетит, а еда пусть наготове будет.

Вышел из натопленной избы, вдохнул утренний, еще морозный воздух. Стойбище уже ожило. Жена Ефима строгала чилеп из приготовленных загодя березовых палок. Тонкая, прозрачная стружка легко собиралась мелкими волнами. Так захотелось взять нож и тоже построгать: легко кажется со стороны. Но я уже пробовал: нож не слушается, вгрызается в дерево, стружка получается грубая, никудышняя. Дымилась затопленная Ефимом печь для выпекания хлеба. Дым устремлялся ввысь, растворяясь в синеве. У другой избы маленькая женщина колола дрова огромным колуном. Колоть дрова у лесных жителей — дело женское. Получалось у нее очень ловко, я даже на время засмотрелся. Вот она поднимает огромный колун и с придыхом вбивает его в большую чурку, подпрыгивая при этом. Чурак разваливается с треском на две половины, обнажив светлое нутро.

Издавек заметил Ефима, усаживавшегося на поваленную на краю гривы сухару. По тому, как он застыл на миг, повернув голову, я понял, что он уловил мои шаги. Твердый утренний наст шуршал под ногами, звучно отдаваясь в чистом сосновом бору.

— Привет, Ефим, — пожал его суховатую, крепкую руку.

— Здорова, — протяжно ответил он и начал набивать трубку.

— Раненько ты ждешь. Вертолет, видимо, только к обеду появится, — сказал я, присаживаясь рядом.

— Понятное дело — пока поймают, да погрузят оленей... — Он сделал паузу, прикурил. — Да и лету не меньше двух часов... К обеду, однако, прилетит Кузьма.

Ефим попыхтел. Выпяченная нижняя губа, поддерживая трубку, подрагивала, при затяжке обжимала мундштук. Глаза немигающе смотрели вдаль. Скуластое лицо, словно каменное, не выражало ничего. Ожидание. Долгое ожидание, выжегшее внутри все без остатка, придавало всему его облику

какую-то величавую покорность. Да, именно величавую. Подымив еще немного, Ефим встал, отряхнул пепел с малицы кора (легкой малицы).

Я уже знал, что потерял Ефим стадо: тяжело заболев прошлой зимой, не смог досмотреть за оленями, и те ушли за Большие болота. Надеялся на брата, да и с тем беда случилась: оклеветали плохие люди, и пока его допрашивали в милиции да выясняли, что к чему, стадо ушло далеко в сторону восходящего солнца. Долго по насту искал он своих оленей уже после больницы, чертя «Бураном» белый лист нескончаемых просторов, многие ночи коротал в спальнике, зарывшись в глубоком снегу. Часть оленей смешалась с диким стадом, нашел останки нескольких, зарытые медведем. Других горе-охотники застрелили. Один только уцелел: нашел его в урмане еле живого. В нарте привез домой. Выхаживал, словно дитя. Сколько ночей не спал, сколь дум передумал — не счесть, представляя себя то птицей с перебитыми крыльями, то облаком, безжизненно повисшим без дуновения ветра, а то сухарой без листьев и веток, сиротливо стоящей в горельнике. Запали глубоко в душу слова отца. «Кто я без оленей?» — спрашивал себя бессонными ночами.

— Закон приняли какой-то в округе, чтоб оленья стада восстановить. Сначала уничтожили, теперь обратно... Оленей-то из тундры гонят, — ворчал про себя Ефим. — Долго, однако, думали. Люди уже отвыкли от оленей...

Съезд «коренных жителей Севера» припомнился Ефиму. Там и пообещали оленями помочь тем, кто лишился своих стад. Он тоже выступал на том съезде, но уже и не помнит, о чем говорил. Лет-то более восьми уже прошло... Об оленях говорил — о чем же еще?

Ефим курил, всматриваясь вдаль.

«Вот и дождались... Привезут сегодня оленей. Вместе с Кузьмой держать будем. Одному теперь не справиться. Кораль бы успеть построить до тепла», — думал Ефим.

Он тихой неспешной походкой, шаркая кисами по насту, прошел к снегоходу. Тот завелся с полуоборота.

— Садись, — скомандовал он, подруливая ко мне.

Я уселся в нарту, где уже лежали на оленьей шкуре приготовленные топоры и веревки.

Рванулась нарта, ударило резко сизым выхлопом, замелькало все вокруг, зарычало, зашуршало под полозьями.

* * *

Вот уже третьи выходные приезжаю к Кузьме. Строим большой кораль. Малый, рядом со стойбищем, раньше закончили. Он ждет своих постояльцев.

— Видишь, — который раз растолковывает мне Ефим, как только остановились в молодом сосняке, — теперь по-другому оленей будем держать... Большой кораль нужен, однако, — продолжал он после паузы. — Чтоб и вода была, и болото, и ягель внутри коралья. А иначе как? Иначе нельзя: там вон буровая сутками бряцает, там за гривой зимник, — он повернулся, махнул рукой, — зимой «Бураны» везде, охотники стреляют. Сколько говорим всем, что нет в наших местах диких оленей, а все без толку. Нет покоя оленям. С ума сходят, как дикие шарахаются.

Ефим взял топор, подошел к молодой сосне, потрогал желтую кору, пробубнил что-то себе под нос, похлопал сосенку ладонью. Топор врезался в ствол мягко, не издав звука. Сосенка встрепенулась, шепнула иголками, словно простонала тихо.

После каждого срубленного дерева Ефиму требуется какое-то время, чтобы отдышаться. В мою задачу входит обрубить ветки, ополовинить ствол по мерке, подтащить к нартам готовый столб.

— Отчего воздуху не хватает? У меня же сердце больное, а не легкие, — Ефим достал из-под сиденья снегохода сок в пластиковой бутылке, протянул мне, потом достал таблетку, запил ледяным напитком, набил трубку, закурил.

— От сердца и одышка. Так обычно бывает... — старался пояснить я. — Не спеша все делать нужно, не перегружаться...

— Я ведь не в городе живу, — перебил он меня, — все самому делать нужно, однако... Я заметил, что сердце не от работы заболело, — продолжил он после длинной затяжки. — Дичи в лесу не стало, исполосовали все дорогами... Со всем земли мало осталось. Вон последний олень остался... Скучно ему, тоскует Серый... На все смотреть больно... Вот и давит... — он сжал рукой шарф на груди. — Тоска давит...

— Привезет Кузьма оленей. И твоему Серому, и тебе веселей будет, но и забот прибавится.

— Заботы — они лучшее лекарство от сердца, они душу очищают, — сказал задумчиво Ефим, затем, словно о чем-то вспомнив, глянул на часы, и мы, не сговариваясь, начали увязывать приготовленные столбцы к нартам.

Вдруг Ефим застыл, жестом обозначив напряженность и внимание. Я тоже остановился.

— Вертолет... Восьмерка... Это Кузьма. — Лицо Ефима засветилось, потом его вдруг пронзила тревога. — Быстрее, — обратился он ко мне.

Точка над низким горизонтом росла на глазах. Взревел мотор снегохода, натужно тронулись груженные нарты. Подъехали к приготовленной для вертолета площадке, как раз ког-

да вертолет делал круг, готовясь к посадке. Лопасты донесли громко, машина зависла и, медленно снижаясь, пыталась мощными потоками воздуха сорвать шапки, повалить низкие сосенки. Не успели колеса коснуться снега, как дверка открылась и первый олень упал вниз, вмяв уже оттаявший к обеду наст. У него оказались связанными ноги.

— Оттаскивай в сторону, — услышал сверху голос Кузьмы.

Я ухватил оленя за веревки и поволок в сторону. Тут же упал следующий олень. Ефим пытался помогать, но скоро сел на снег, зажав сердце руками.

— Уходи! — крикнул я ему. — Уйди! — махнул рукой.

Едва успевал оттащить очередного оленя, как из вертолета вываливался следующий, вертя огромными испуганными глазами. Ноги быстро теряли уверенность в мягком снегу, становились ватными, сердце колотилось гулко. Я костерил себя за то, что быстро уставал и, как мне казалось, не успевал справляться с работой.

— Что, сало выходит? — услышал я снова теперь уже веселый голос Кузьмы. Вертолет уже набирал высоту. Я лежал на снегу, обливаясь потом, чуть живой.

— Привет, — он присел на снег рядом со мной.

— Привет, — кое-как выдавил из себя, подал дрожащую от напряжения руку. Его улыбающееся лицо светилось радостью.

Подошел Ефим.

— Здорова, Кузьма, большое дело сделал, — и улыбнулся, — как там справился один-то? Двадцать пять оленей поймать, связать, погрузить... — он покачал головой.

— Мужики помогли. Сам Вэлл оленей делил. Справедливый мужик. С ним никто не спорил. Четыре вертолета из Русскинских сегодня отправили — в Корлики, в Ларьяк, Аган и вот наш. Там оленей тыщи пригнали с Ямала.

Я откинулся на спину и уже не слышал, о чем толковали Ефим с Кузьмой, переходя на хантыйский язык.

Они радовались возвращенному счастью.

Украденному и возвращенному.

Они еще не знали, какие разочарования ждали их впереди.

* * *

Строительство коралля продолжалось. Дело продвигалось не так быстро, как хотелось. Лунки в промерзшем болоте сверлили ледобуром через каждые пять метров, затем забивали заостренные столбы сквозь болотную жижу до упора в твердое дно.

Ефим с Кузьмой беспрестанно тягают «Бураном» столбы и прожилины. Моя задача — сверлить лунки и с размаху загонять столбы сквозь податливое болото. Руки срываются при ударе о твердь. Рукавицы уже — третья пара, разлохматились и представляют собой плачевную картину. Ладони горят огнем, мышцы постанывают. Это через день-другой ломота во всем теле скует любое движение, а сегодня разгоряченное тело не замечает усталости. Давненько так не вкалывал. Нужно спешить, чтобы успеть к теплу. Все понимают, что построить шесть километров изгороди в такие сроки невозможно, однако половина уже позади, и надежда пока не покидает нас.

* * *

Как всегда не вовремя выпавшая командировка на целый месяц оторвала от строительства. Тело отдыхало, а душа рвалась туда, в те болота, где нужна моя помощь. Переступив порог дома после долгой поездки, сразу же позвонил Кузьме. Необъяснимая тревога уже две недели не отпускала меня.

— Ефим умер, — сообщил он мне, — сердце не выдержало.

Он поведал мне, как подключились к строительству родственники из других стойбищ, как Ефим работал наравне со всеми, едва держась на ногах. Как поначалу удавалось удерживать стадо оленей, несмотря на то, что они постоянно стремились уйти на север.

— Им все время на север надо. Мы их пригоним, а они снова туда идут — к своим. На свои места... Были бы у нас здесь свои олени, может, наш вожак удержал бы, а так, только снег растаял, ушли они. Кораль так и не достроили... — слушал я голос друга. — Как удержишь? Болота водой заполнились, вода следов не оставляет. Как искать? Я вокруг все облазил... Они через реку перебрались.... Ефим несколько суток искал, по болотам пешком ходил... Его Серый вместе со стадом ушел... Не выдержало сердце... Последний олень ушел...

Кузьма еще что-то говорил, но я уже не слушал его голос. Я видел Ефима, сидящего на краю болота, ждущего вертолет, и привязанного на пригорке оленя...

* * *

— Нашли потом оленей по меткам. Не всех, правда, больше половины не досчитались, — говорит Кузьма.

Прошло несколько лет.

Найденных оленей Кузьма отдал в небольшое стадо свояка Дмитрия Айпина. Важенки дали приплод. У родившихся уже здесь появились свои детки. Прижились. Вожак в стаде один из них.

— Хороший вожак, — говорит Кузьма, — Серый! — Кузьма потрепал голову оленя, — тот Серый пропал.

Ефим об этом уже никогда не узнает.

Не прокатится в упряжке по накатанному оленьему пути.
Не покормит Серого из рук...

* * *

Как-то, работая в архиве, наткнулся на материалы первого учредительного съезда коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, проходившего в теперь далеком 1989 году. Среди многочисленных докладов я обнаружил и доклад Ефима Антоновича Тылчина, рыбака совхоза «Аганский»:

«...Я рыбак совхоза «Аганский». Раньше мы ловили по 150–200 тонн рыбы, а сейчас и десяти не поймаете, потому что 70% рек нефтяники вывели из строя. Наш народ вымирает. Это видно на примере нашего поселка. Жить стало нелегко. Оленей аганцы всех зарезали. Остались три семьи, которые пытаются еще содержать оленей, но пользы от этого нет, так как осенью их отстреливают. Ну, как нам жить? ...Нефтяники стали нам строить. За это им спасибо, — но землю, которую вывели из строя, скажите, кто восстановит?..»

Любимое время года

«Уазик» лихо катил по новой бетонке, дробно отсчитывая дорожные плиты. С горбатого моста через Аган открывался величаво задуманный Творцом зимний пейзаж. Раннее утро. Справа над рекой выкатилось огромное красное солнце. Оно еще великодушно позволяло собою любоваться, не набрав пока той ослепительной яркости, когда его лучи выбивают слезы, отражаясь от искрящегося чистого снега. Тени от пря-

мых, как зубцы гребешка, сосен ложились длинными розовыми полосами через бетонку. От пересечения этих ровных рядов возникало ощущение такой бешеной круговерти, что в глазах рябило, и эта рябь вытесняла из сознания все без остатка — только солнце, снег и бесконечные тени... Время не то останавливалось, не то разгонялось до невиданных скоростей; пространство то расширялось до бесконечности, то сжималось в точку. Временами зрение притуплялось, не позволяя воспринимать действительность, и тогда мелькание сливалось в непрерывность тени и света или обострялось, выхватывая на скорости каждую тень. Поворот налево, и пространство, освобожденное от соснового плена, заполнилось нежным весенним утром. Солнце становилось все ярче и ярче в зеркалах заднего вида, теряя свои четкие очертания.

Вскоре мы остановились перед новым чешским общежитием, какие в то время можно было встретить на многих месторождениях. На пороге появился Лукин в лохматых унтах, мой знакомый. Он вызвал меня по рации, и, так как треск во время сеанса связи стоял невообразимый, я только и успел разобрать, что едем к хантам, к его больному другу, и нужно взять «трубочку слушать». Говорил он торопясь, и не зря: связь внезапно оборвалась и наш связист, как ни старался, ничего сделать не смог. Я взял «трубочку слушать», собрал аптечку и — в путь.

Олег Ильич Лукин стоял на пороге и, растопырив свои длинные руки, широко улыбался. Я тут же попал в его крепкие объятия.

— А я уже стал сомневаться — приедешь ли? У нас рация накрылась. Скоро ханты подъедут. Они уже в поселке, продукты закупают.

В просторном холле стоял теннисный стол, и мы, не сговариваясь, взяли ракетки. Олег играл на том же любитель-

ском уровне, что и я. Игра шла ровно. В огромное окно центральная улица поселка видна как на ладони.

— Едут! — Олег поймал теннисный мячик и подошел к окну. Три олени упряжки одна за другой появлялись из-за поворота. Меня поразило это зрелище. Олени легко бежали, гордо держа головы и поднимая высоко ноги, из ноздрей валил густой пар, воздушные нарты легко скользили, слегка покачиваясь. Я впервые видел олени упряжки наяву. Олени почему-то оказались меньше, чем я себе представлял. Только у двух оленей были красивые раскидистые рога. Один был с одним рогом, были безрогие. Три упряжки, по три оленя в каждой. Ханты привязали оленей прямо к перилам крыльца.

— Вот доктор, как обещал, — сказал Лукин, здороваясь с женщиной, одетым в нарядную малицу. Оленями управляла женщина, как оказалось, его жена.

— Николай, — подал руку он, не вставая с нарт. — Это жена моя Аня.

На лице Николая появилась улыбка, обнажая желтые, нездоровые зубы. Улыбался он, превозмогая боль. Лицо его с желтизной, изрезанное мелкими морщинами, выдавало человека, хоть молодого, но больного тяжелым недугом. Глаза смотрели мягко, с какой-то обреченностью и робкой надеждой. Он сидел на нартах, свесив ноги, упираясь руками в колени, и тяжело дышал, приподнимая плечи с каждым вдохом. Трубка, зажатая в зубах, дымила, распространяя запах дешевого табака. Он медленно, как делают обычно старики, побряхтывая, встал, стряхнул снег с оленьей шкуры, поправил ремень, нож в деревянных ножнах и так же медленно снова сел.

— Потрясло маленько, и живот разболелся, — сказал он тихо, как будто невзначай.

И не было в его голосе ни жалобы, ни слезливости — не о его боли будто шла речь. Подошли товарищи Николая. Тоже в праздничных малицах.

— Егор.

— Михаил.

Оба невысокого роста, крепко сбитые, они замкнули круг. Аня подошла к оленям, поправила упряжь, погладила животных, достала мешочек с сухарями и по очереди подошла к каждому, приговаривая что-то на хантыйском. Олени, громко похрустывая, вытягивали шеи, медленно жевали, заглядывали в глаза хозяйке в надежде получить добавку.

— Ну, чайку попьем и в путь, — Лукин положил руку на плечо Николая.

— Чайку маленько можно.

Чай, оказывается, уже заварен. На просторной кухне, мебелированной чешской мебелью, что шла вместе с общежитием, расселись кружком.

— Продукты взяли: тушенку, сахар, чай, — Николай держал кружку в ладонях, словно боялся остудить, дул, прежде чем громко потянуть ароматный горячий напиток. Все он делал медленно. Даже кисет с табаком искал долго, как в замедленной съемке, так же не спеша набивал трубку, — зима кончается, весна пришла. Люблю весну. Праздник у нас сегодня — Вороны день. Оленя колоть будем, — Николай сладко затынулся. — Весна-а-а....

— Как это: праздник вороны? Чем же это заслужила ворона такую честь? — искренне удивился я. Мне и в голову не могло прийти такое — праздновать день Вороны, этой воровки и хулиганки, прописанной в русских народных сказках отнюдь не светлыми красками.

— Она первая прилетает к нам. Первая дает знать — весна пришла. К человеку тянется. Всегда рядом с человеком живет.

Долго задерживаться не стали. Мы с Лукиным сели в первые нарты, водитель «уаза» Иван Васильевич — во вторые, Николай с Анной замыкали колонну. Тихо шуршат полозья нарт. Олени несут быстро, мелькают низкорослые сосны, и скоро не стало видно поселка, не стало слышно его шума. Егор негромко гыкает на оленей, изредка подгоняя их длинным шестом — хореем. Летят по обе стороны деревья назад, кажется, что кружат они вокруг снежным хороводом. Олени всхрапывают, бегут резво, весело, словно это доставляет им радость. Снежная пороша искрится на ярком солнце. Низкий сосняк сменился нарядным белым березняком, затем нарты пошли вверх и вынесли нас в светлый сосновый бор, снова большое болото с низкими соснами, снова бор. Скупая на краски зима показалась мне тогда не такой уж однообразной: белые, сливающиеся со снегом березы, стоящие вперемешку с кедрами, соснами, позолоченными утренним солнцем, заполняют пространство мазками самого даровитого художника — природы, радуют глаз меняющимися картинами. Иней, тронутый дуновением ветра, искрится на солнце золотистыми блестками и разноцветной радугой.

Круговерть прямых и стройных сосен вскоре вынесла нас на огромную елань. Избы появились внезапно, как из-под земли выросли.

Три семьи проживают в этом стойбище, которое расположилось в чистом сосновом бору, на берегу небольшой речки. Две маленькие избушки стоят рядом на краю гривы. За ними начинается крутой спуск к ручью. Стены избушек сложены из нетолстой, прямой, как карандаши, сосны. Брезентовый верх, местами прожженный искрами, немного обвисший, придает им убогость. Наши упряжки под веселые голоса встречающих нас детей остановились в центре селения, бли-

— Утром нашли — живо-о-ой! Хант не замерзнет, хант в снег зароется, в снегу тепло-о-о-о, — прищурившись, тянет Егор, — малица греет, в малице мороз не страшен, — продолжал он и для наглядности встал, показывая малицу, сшитую из оленьей шкуры мехом внутрь. Рукава ее заканчивались меховыми рукавицами с прорезью на ладошке. Не нужны рукавицы — рука высовывается из разреза, а рукавица болтается на внешней части кисти. Капюшон из ондатрового меха оторочен росомашьим мехом: он не индевет на морозе от дыхания. Сверху малица обшита светлой материей и украшена бисерной вышивкой. Это праздничная малица. Ее Егор надел в честь дня Вороны.

— Сначала не холодно было, — продолжал Николай, — уснул. А под утро, как протрезвел, — замерз маленько.

Он сидел на полатах, снова набивал трубку и глухо покашливал. Кашель все усиливался и перешел в затяжной мучительный приступ. Николай согнулся, придерживая рукой живот. Боль исказила его лицо. Он отвернулся, тяжело дыша. Потом с полминуты посидел с опущенной головой, словно стеснялся своей невольной слабости, поднял уже спокойное лицо, смахнул слезу рукой. Рассказ его снова продолжался тихо и мерно, как журчание ручья, еле перебивая треск дров в печке и детские голоса, доносившиеся с улицы.

После того как Николай «маленько замерз», он тяжело заболел. Ранее дремавший туберкулез свалил его, приковал к больничной койке. В вертолете по дороге в больницу он бредил. Ему казалось, что он плывет под водой, лежа на дне обласа. Вокруг шумит вода. Шум до боли давит на барабанные перепонки, перерастая в рев медведя. Сверху видятся круги, превращающиеся в водовороты. Его обласок крутит, то поднимая, то бросая в бездну подводными течениями. Воздуху не хватает, его обнимает холодным покрывалом вол-

на, выносит на поверхность, он жадно делает глоток воздуха — и снова в пучину.. Николай видит себя десятилетним мальчиком. Ему вспомнилось то утро, когда на рыбалке перевернулся облас, запутался он в сетях, и чудом подоспевший отец выташил уже бездыханного сына на свет и воздух...

В больнице Николай очнулся только на следующий день. Врачи сутки боролись за его жизнь. Сутки не отходили от его койки медсестры.

— Глаза открываю, — рассказывает дальше Николай, — а вокруг все белое: потолок, стены и женщина сидит рядом, тоже вся в белом. Умер я, что ли? «Ты, — говорит женщина, — всю ночь нам про страшных зверей рассказывал, песни пел то на хантыйском, то на русском». Что я мог петь на русском? Я же ни одной песни русской не знаю, — Николай улыбнулся, хлопнул часто глазами, отвернулся к окну.

Набравшись сил, Николай через два месяца, так и не долечившись, сбежал домой. Его искали, дважды прилетал вертолет, но он скрывался, не хотел снова в больницу.

— Что, плохо было в больнице?

— Да нет, хорошо. И врачи хорошие, спасибо вытащили с того света.... Скучно стало. На весновку сбежал. Прошлой весной много рыбы было, ондатры пострелял, летом тоже рыбачил, а к осени снова плохо стало. Думал, отлежусь маленько, а оно все хуже и хуже. Вот смотри, какой худой стал, — он положил дымящую трубку на стол, вытянул тонкие руки вперед и снова закашлялся.

— Ты очень много куришь....

— Не могу не курить. Табак силу дает.

— Тебе лечиться нужно... в больнице. Лукин вертолет даст, я договорюсь о лечении.

— Сейчас нельзя. Вот отвеснуюсь... — он на мгновение задумался. — Мне больница уже не поможет, — обреченно

произнес он спокойным голосом, — не хочу в больнице умирать.

В избушку с шумом, впуская клубы холодного воздуха, ворвались дети Николая: девочка лет шести и мальчик трех-четырёх лет. Девочка, с живыми, как у Анны, карими глазами, что-то громко на хантыйском языке объясняла матери. Та позвала малыша к себе.

— Напрудил полные штаны, — не то ругала сына, не то переводила сказанное дочерью Анна, — домой сразу бежать нужно. Не май месяц.

Она ловко сняла меховые кисы, которые сдернулись вместе с колготками. Потом с хрустом оторвала примерзшие к подошве кисов колготки. Ноги у малыша покраснели, как у гуся лапы. Анна взяла в свои ладони эти красные лапки, поднесла к губам, отогревая их своим горячим дыханием. Наблюдая эту идиллическую картину, я мысленно представил себе городского малыша, пробежавшего часок-другой в обледенелой обуви на морозе, и мамашу, обнаружившую такую оказию. А Анна спокойно отогрела малышу ноги, вытерла блестящий ручеек под носом своего чада, передела в сухую обувку и снова выпроводила на улицу.

Подъехали гости на двух оленьих упряжках. Одеты они тоже празднично. Их дети с ходу включились в игру, и уже не различить в куче, где дети гостей, а где хозяев. Оказалось, что ждали именно их.

Оленья закололи еще утром. За избой на снегу растянули шкуру. Жители стойбища и гости в праздничных одеждах стали полукругом. Нам тоже предложили присоединиться к обряду. Вышел вперед Михаил и на правах старшего что-то громко и напевно сказал на хантыйском, обращаясь к своим сородичам. Затем все стали, пружинисто покачиваясь, поворачиваться во все стороны, молиться по-своему.

Поклоняются своим богам лесные жители, несмотря на то, что в каждой избе найдется иконка Божией Матери, Николая Чудотворца. Свои боги им роднее, ближе, они уже много столетий помогают им выжить в тяжелую годину. И сейчас они просят их защитить свою землю от разрушения, дать возможность им жить так, как жили их предки. Они просят наполнить их реки рыбой, боры дичью, просят, чтобы олени плодились, чтобы ягеля было достаточно. Николай тоже молится вместе со всеми, медленно поворачиваясь по сторонам. Непривычно видеть его без трубки во рту. Он мысленно просит своих богов дать ему силы и терпения, здоровья и исцеления. Шамана нет. Обряд проходит скромно. Теряется все же нить, соединяющая народ ханты со своим прошлым, теряются вековые традиции. Не так, видимо, раньше праздновали день Вороны, день Весны предки Николая, Михаила, Егора. Я представил себе шаманов с бубнами, песни, пляски, молитву богам — проникновенную и торжественную. Пружинисто раскачиваясь, я ушел своими мыслями в далекое прошлое, мое воображение несло меня в глубину веков. Я слышал гортанное пение шамана, бубен взлетал над его косматой головою, уводя его в дикую круговерть. Затем танец подхватывают мужчины, кружась вокруг костра, звучит мелодичная, протяжная песня, восхваляющая Землю, Небо, Богов. Гремит бубен, многоголосица наполняет бор, стелется по болотам и гривам, уходит в бездонное небо, возвращаясь лучами яркого солнца, играющего на разноцветных одеждах, отражаясь от искрящегося снега, создается праздничное многоцветие.

В большой, светлой избе Михаила на низком столе стоит казан с отваренным оленьим мясом.

— Садитесь сначала вы за стол, — обратился хозяин ко мне, Лукину и водителю Ивану Васильевичу, — а то мы будем кушать по-своему, — и он показал рукой на большую миску с кровью, на сырое мясо.

Оленина оказалась очень вкусной. Отваренная большими кусками на костре, она распространяла аппетитный аромат. За обедом завязалась беседа. Михаил сетовал на то, что дичи стало меньше, оленям негде пастись: дорога к кустам прошла через пастбище. Нефть попала в речку..

— А тут еще олени пропадают, — продолжал Михаил, — один пропал, потом другой. По насту трудно искать. Куда деваются олени — не знаем. Почти месяц искали.

Михаил рассказывал медленно, затягиваясь сигаретным дымом. Он сделал длинную паузу, словно переживая заново трудные многодневные поиски в тайге, по урманам и болотам.

— Нашли? — не выдержал я.

— Нашли, — он снова замолчал, — на буровую следы привели. Бульдозерист застрелил.

— Разговаривали с ним?

— Говорили.

— Ну и что?

— А... плохой человек был, — коротко закончил Михаил.

Он тяжело вздохнул. Ему до сих пор жалко оленей. Они почти перезимовали морозную зиму. Важенка должна была в мае родить олененка. Другой пропавший был хорошим ездовым оленем.

В избе стало тихо. Никто не ожидал такую короткую и несколько странную концовку истории. Все встали из-за стола, вышли молча на улицу. День уже перевалил за полдень, и заметно похолодало. Пора собираться домой. Мужчины намеревались трапезничать «по-своему». Анна подогнала уп-

ряжку, чтобы отвезти нас в поселок. По дороге все молчали. Рассказ показался нам диким и жестоким. Бульдозерист не вызывал симпатий, но...

* * *

Несколько лет спустя на охоте я спросил своего друга Кузьму:

— Ты знаешь Николая, Егора, Михаила, что живут за старыми Покачами?

— Как не знать? Николай родня мне, он тоже Покачев.

Кузьма рассказал мне, что Николай с Анной той весною перебрались на весеннюю стоянку, где Николай последний раз рыбачил — весновал. Анна по насту в конце апреля выследила и убила медведя. Поила мужа медвежьим жиром и желчью. Приезжал из Рускинских шаман, но ничего не помогло. Умер Николай на майские праздники, в разгар весны, в его любимое время года, прямо в обласе, так и не успев оттолкнуться от берега.

— Знаешь ли ты историю с оленями, что пропали у Михаила?

— Я им искать помогал. Бульдозерист застрелил.

— Так что стало с этим бульдозеристом?

— А... Плохой человек был, — сухо сказал Кузьма.

— Я уже это слышал, — чуть не закричал я, — они что, убили его?

— По-нашему — человека нельзя убивать: сам умрет когда-нибудь, — ответил спокойно Кузьма. — Сказали ему, чтобы уезжал. Наша земля может отомстить ему. Она не любит жадных.

— Ну и?..

— Уехал.

ТИШКА

I

Солнце робко заглянуло в избушку, скользнуло первыми лучами по столу, а затем переместило свои нежные руки на лицо лежащего на оленьей шкуре мальчишки лет пяти-шести. Мальчик сладко спал в обнимку с книжкой. Перед сном мама читала ему сказки. И сейчас его лицо трогала улыбка. Солнце грело его щеки и уши, нежными ладошками гладило взъерошенные волосы, словно тормошило его и настойчиво будило; звало на лужайку, на речку, где бродил он до самого вечера. Мальчик открыл глаза, но тут же зажмурился и отвернулся. Он еще какое-то время лежал, не в состоянии отделить вчерашний вечер от ворвавшегося утра. Вечером, укладываясь спать, он видел солнце в окошке за печкой, проснулся — оно уже в окне, что у двери. И так каждый день. Белые ночи... Лето...

— Вставай, Тиша, отец ждет на улице. Сегодня у тебя день рождения. Поздравляю! Тумтака вула, здоровым живи. Расти большой! — Мама поцеловала его. — Пухие, мальчоночек мой, — она потрепала рукой волосы. — Сколько тебе лет? — спросила она.

— Пя-я-ять, — протянул сипло Тишка.

— Уже шесть. Ты уже большой. — Мама сидела рядом и улыбалась. — Беги на улицу.

Спиридон перебирал сети для ловли рыбы и, увлеченный работой, не заметил сына. Тишка подошел и потрогал руку отца.

— С днем рождения, сын! — он высоко над собой поднял Тишку и закружил: — Кушалана ат шавилайн, пусть тебя охраняют хозяева твоей земли. Я подарю тебе облас. Ты уже большой, и я хочу, чтобы ты был хорошим рыбаком и охотником. Пойдем.

За домом, где отец обычно запрещал играть детям, лежал накрытый брезентом настоящий облас.

— Это твой, специально для тебя сделал.

Тишка смотрел на новенький облас. Ему казалось, что он не настоящий. Светлые, гладкие его бока на солнце отливали необыкновенным блеском. В глазах мальчика он казался сказочным. Не верилось, что этот чудо-облас теперь принадлежит ему. Так хотелось погладить его старательно отшлифованные округлые бока, хотелось прыгнуть в облас прямо сейчас, сию минуту. Тишка стоял, прижавшись к углу дома и боялся, что если закроет глаза — все исчезнет. Потом он посмотрел в улыбающееся лицо отца, подошел к обласу, сел на дно. Весло само взлетало над головой, загребало невидимую воду, он уже плыл по бесконечному озеру, солнце, отражаясь от водного зеркала, слепило его. Он снова посмотрел на отца, встал и прижался к наклонившейся шершавой щеке.

— Бери свой облас и пойдем на ручей.

Мальчик ухватился за деревянную перемычку обласа и, как делал его отец, потянул в сторону ручья. Соседская девочка Аня стояла на пороге своего дома. Поравнявшись с ней, Тишка громко выпалил:

— А это мой облас. Мне папа на день рождения подарил.

Тишке хотелось, чтобы его сейчас видели все: и новые друзья из деревни, и дед и бабушка. Он уже большой. Облас легко скользил по мху, словно не имел веса.

Сегодня действительно день для Тишки выдался необычным. Пока он учился плавать на обласе среди затопленных

кустов, в тихом омутке разлившегося в начале лета ручья, приехала учительница младших классов из деревни. Тишка знал Светлану Антоновну, но, увидев ее дома, смутился, опустил глаза и спрятался за маму.

— Здравствуй, Тиша. С днем рождения, — голос учительницы звучал мягко, ласково, и он, преодолев застенчивость, подошел к столу. — Ты читать умеешь? — спросила она.

— Нет. А зачем? — он уставился на учительницу, потом на маму.

— А буквы знаешь?

— Нет. А зачем?

— Вот так все время, — мама обращалась к Светлане Антоновне, — ни в какую не хочет учить буквы. Заладит: «а зачем», и хоть ты тресни. Он ведь многие буквы знает, а спросишь — не отвечает.

Светлана Антоновна держала ярко-синий букварь.

— Это тебе. Подарок на день рождения.

Букварь был красивый, с блестящей обложкой, не то что его старый, потрепанный, с оторванными страницами, приклеенными полосками цветной бумаги. Но радостного волнения Тишка не испытал. Напротив, что-то нехорошее шевельнулось в груди. Он смотрел на букварь почти враждебно, ощущая тревогу. Облас — букварь. Облас — букварь. Букварь рос в его глазах, заполняя собой стол, избу, и уже не видно за ним обласа, уменьшившегося до игрушечных размеров. Он встряхнул головой, и яркая книга на столе приобрела обычные размеры.

— Поедешь к нам в деревню? К бабушке? Будешь ходить в подготовительную группу. Вместе с Васей Ильиным. Ты ведь знаешь его?

— Знаю, — Тишка повеселел. Он любил играть с Васей, когда бывал в гостях у деда с бабушкой. Но как же облас? Он снова опустил голову, потом повернулся в сторону отца.

— На обласе ты еще успеешь поплавать. В деревню поедешь только осенью, — развеял сомнения отец. И лицо Тишки сразу посветлело. Он был согласен на все.

II

Тишка был в детском садике только один раз, на Новый год. Глаза его тогда разбежались от ярких огней и нарядов. Он сначала испугался громогласного деда с длиннющей бородой. Большой мешок за спиной огромного старика притягивал его взгляд и пугал своими размерами. Вспомнился Лесной старик, что живет в урмане за поворотом Большой реки. Отец иногда говорил: «Смотри, Тишка, в лес далеко не ходи. Лесной старик встретится, уведет далеко». Лесной старик — лохматый с бородой, но почему-то одетый в красную длинную малицу, с огромным мешком — подходил к детям, и те его не боялись, наперебой рассказывали стихотворения, отгадывали загадки, громко смеялись, пели песенки. Тишка тоже дрожащим голосом скороговоркой протараторил припасенный стишок и уставился на Деда Мороза: не унес бы Тишку в далекий урман «белобородый». Тревогу развеяла Снегурочка. Нежным, как у мамы, голосом она похвалила его и достала из большого мешка пушистого зайчишку с торчащим хвостиком и яркий мешочек со сладостями. Хлопушки, мигающие огни его не удивляли. На стойбище отец тоже наряжал елку со светящимися лампочками. А хлопушек накопили столько, что еще долго после праздника ребяташки пугали друг друга внезапными взрывами-хлопками.

К детскому саду Тишка привык быстро.

Каждый день в садик приходила Светлана Антоновна. Все дети ее знали и с удовольствием занимались на ее необычных для детского сада уроках.

— Сегодня мы повторим то, что учили вчера, — Светлана Антоновна открывала букварь, доставала вырезанные буквы, показывая то одну, то другую, и дети громко называли их. Только Тишка сидел молча. Потом Светлана Антоновна задавала простенькие задачки. Дети снова наперебой отвечали, тянули руки. Занятия проходили весело, но Тишке они не нравились совсем. Вот сказки он слушал с удовольствием. В такие минуты глаза его загорались, он будто сам жил в сказке. То он боялся, что Иванушка так и останется козленочком, то его сердечко сжималось, когда Богатырь вступал в бой с трехглавым Змеем Горынычем.

— Сказки любишь, Тиша? — спрашивала его Светлана Антоновна.

— Люблю.

— Так вот, учи буквы, и сам сможешь читать самые разные сказки.

— А зачем? Ты нам читаешь.

— Ну, дома будешь читать.

— Дома бабушка читает, — отвечал упрямо Тишка.

Учительница промолчит, переведет разговор на другое:

— Тиша, сколько будет, если к двум кубикам прибавить еще два? — Она берет два кубика, ставит рядом еще два и накрывает их ладошкой.

— Не знаю.

— А ты подумай. Вот два красных и два синих. А вместе сколько будет?

— Зачем ты меня спрашиваешь? Ты сама знаешь.

Дети смеются. Для них, во-первых, непривычно, что к учительнице Тишка обращается на «ты», а во-вторых, все знают, что кубиков четыре, и сдержаться уже нет сил. Тишка в такие минуты замыкается и, уставившись глазами в свои ботинки, молчит.

Тишке нравится возиться в мастерской деда, смотреть, как ловко в его руках рубанок сотворяет изгибающуюся ароматную стружку.

— Нарты будут, внучек. На Новый год на стойбище в новой нарте поедем.

— На «Буране»?

— На «Буране», внучек, на «Буране», — дед тяжело вздыхает.

Прошло, пожалуй, безвозвратно то время, когда олений путь связывал зимой стойбища и селения. А сейчас режут на куски моторным ревом тишину в борах, поймах рек лихие наездники. Уже и дичь свыклась с зудящим ревом моторных лодок, бензопил, снегоходов. И лесные жители не спешат запрягать олений: всегда под рукой быстроходная и неприхотливая машина.

— Поддай мне, Тиша, четыре гвоздика в-о-о-он из того туеска, — дед показывает рубанком на берестяную коробочку и хитро улыбается.

Тишку радость распирает, что дед его в помощники берет. Быстро забирается на табуретку.

— Держи, дед.

Дед Тимофей поправляет седые жидковатые усы, свисающие острыми концами, берет гвозди из руки внука, — четыре, как заказывал. Умеет считать, но показать не хочет. Упрямец. Отец его такой же был маленьким. Дед посмотрел на внука, словно пытался разгадать его тайну, взял молоток и стал приколачивать упор на верстаке.

— Однако, четыре подал, как я сказывал. Значит, умеешь считать.

Тишка покраснел и опустил голову.

— Светлана Антоновна приходила, — дед посмотрел на внука, заметил, как вскинул тот голову при упоминании учи-

тельницы, насторожился, — сказала, что рисунки твои на выставку взяли в город, хвалила тебя. На каникулы собираются детей в Екатеринбург везти. Тебя тоже приглашала. Поедешь? Елка там красивая. — Дед бывал несколько раз в Екатеринбурге, когда служил в армии его сын Спиридон, отец Тишки.

— Поеду, — Тишка снова опустил голову.

III

Сутки в поезде, нарядная елка на площади в Екатеринбурге, огромные Дед Мороз и Снегурочка, множество огней, автомашин, толпы людей, непривычный шум — все это быстро утомило Тишку, и первую ночь он спал крепким безмятежным сном. Ему даже ничего не снилось.

В музее с удовольствием рассматривал чучела разных птиц и зверей, многих он встречал в лесу. Потом долго разглядывал оружие под стеклом.

— У моего папки два ружья, — хвастается он своим товарищам. — Папка нынче пять глухарей стрелил.

— Ты же считать не умеешь, — подтрунивает Витка из третьего класса.

— Сам не умеешь, — и Тишка сразу замолкает, будто его кто холодной водой остудил.

В магазин «Детский мир» дети просились еще по дороге. Многие уже бывали в Екатеринбурге. Каждый имел карманные деньги, и хотелось из далекого города привезти какую-нибудь игрушку себе и в подарок братикам, сестричкам. В магазине ходили дружной стайкой. Светлана Антоновна то и дело пересчитывала своих подопечных. Тишка рассматривал игрушки, и ему в огромном магазине все нравилось. Он

наблюдал, как Витька с Игорем подходили к прилавку, читали вслух: «пирамида» — столько-то рублей, «конструктор» — столько-то рублей.

— А как эта игрушка называется? — показывает Тишка на яркую мягкую игрушку.

— Сам читай! Скоро в первый класс, а он еще буквы не знает, — и Витька, ехидно хихикнув, двинулся дальше в обнимку со своим другом.

Тишка отвернулся и заплакал. Он почувствовал себя совершенно беспомощным. А так хотелось узнать, что там написано на этих ярких бумажках. Он впервые пожалел, что не умеет читать. У него впервые прорезалось желание учить буквы и складывать их в слова. Он теперь знал, зачем ему это нужно.

— Тиша, что с тобой? — спросила ласково Светлана Антоновна.

— Я читать не умею, — и он заревел уже навзрыд, а Светлана Антоновна прижала его к себе. У нее тоже выступили слезы: понял, понял...

Она помогла Тишке выбрать игрушку по его деньгам. Мальчик держал только что купленную красную машинку и больше ничего не замечал вокруг.

IV

Автобус с визжащими от восторга детьми остановился у сельского клуба, где родители уже ждали своих чад. Тишку встречал дед Тимофей на стареньком снегоходе «Буран». К «Бурану» привязана новая нарта, накрытая оленьей шкурой. Как хорошо сидеть на новенькой нарте, как приятно ощущать свежий ветер, слышать глухое рычание мотора. Дед ве-

зет его по дальней улице — пусть все видят его новую нарту, и Тишка смотрит на мелькающие заборы, дома, деревья, и ему становится радостно: все вокруг знакомое, родное. Воздух чистый, без примеси гари. Дышится легко и вольно. Вот и соседский пес Байкал, как обычно, пробежался с лаем за «Бураном». Тишка высунул язык, подразнил собаку. Дед поддал газу, и Байкал, быстро отстав, остановился, сел на снег и с недоумением посмотрел вслед удаляющемуся мальчугану.

— Бабушка, где моя книжка? — не успев переступить порог, выпалил раскрасневшийся Тишка.

— Какая? Иди я тебя обниму, пухие, мальчоночка, — она расцеловала внучка.

— Букварь. — Тишка устоял в пол.

Взяв из рук бабушки букварь, он уходит в свою комнату, садится у окна и начинает листать. Он остановился на букве «м», и его губы сами разжались: «мы», потом пальчиком повел вниз и, словно нащупав то, что искал, отчетливо, по слогам прочитал: «ма-ма».

— Правильно, молодец! — бабушка притронулась к его плечу. — Скучаешь?

Тиша кивнул. Бабушка стояла за его спиной и улыбалась. Ей не верилось, что внук сам открыл букварь, сам прочитал слово. Она боялась его вспугнуть. Не заупрямился бы.

— Пойдем кушать, сыночек, я пирожков твоих любимых с брусникой испекла. А потом читаем. Хочешь?

— Хочу! — Тишка взял букварь и пошел следом за бабушкой.

С этих пор он не расстаётся со своим букварем. После садика ничего не дает по дому сделать. Какая это буква? Какая это?.. Это прочитай, это покажи. Бежит, бывало, к деду в мастерскую.

— Деда, а это какая буква? — и тычет ему под нос книгу.

берег до старицы. С наступлением сумерек нескончаемо тянут гуси неровными ключами. Редко просвистят первые утки. Тишка с дедом каждый день ходят на реку — ждут ледохода. Дед все гадает, большая ли вода будет.

— Шибко быстро растаял снег-то. Сойдет вода раньше сроку — не бывать большой воде, однако, — кряхтит он, почесывая затылок.

Назавтра дед имеет уже другое суждение:

— Хорошая, дружная весна. День, другой — и лед пойдет. А в болотах воды, однако, множество: в момент пойму зальет... большая вода будет

— Я тебя, дед, не пойму: большая вода будет или нет?

— Не загадывай погоду-природу. Какая будет, той и радоваться будем, — бубнит недовольно дед.

— Так ты же сам гадаешь каждый день, — Тишка не может понять деда.

— Человеку всегда хочется знать, что за поворотом ждет его, — старик всматривается вдаль, словно в будущее хочет заглянуть, — живи, внучек, так, чтобы не бояться завтрашнего дня.

— А это как?

— Дрова, сынок, сегодня положи у очага, чтобы стужи завтра не бояться. Человеку сегодня добро делай — завтра добром вернется. Сегодня не бери лишнего у природы — завтра сыт будешь.

Мудрено говорит дед Тимофей, но слова его глубоко в душу внука западают. Так и его, Тимофея, дед когда-то говорил. Так живут все его сородичи. Хочется деду, чтобы и Тишка вырос Человеком. Он треплет непослушные вихры внука, смотрит на оживающую речку через узкий прищур глаз, вдыхает весенний воздух, и радость наполняет его сердце.

— Да. Я маме читать буду.

...Как светло в родном доме, как мягко и тепло спать на оленьей шкуре, как приятно ощущать не во сне, а наяву отцовскую руку, поглаживающую его голову, как сладко по утрам слышать мамин голос...

Куропаткой порхнуло лето, короткое и радостное. Прокричало звонкой чайкой. Не успел Тишка оглянуться, а уже собираться нужно снова в деревню. На душе и радостно — в школу с первого сентября, но и с родителями расставаться не хочется. Загрустил, когда затаскивал облас под навес. Здесь зимовать будет вместе с дедовым. Отцов облас лежит, перевернутый вверх дном на берегу реки, — сгодится еще.

— Не грусти, сын. Приезжай на каникулы, — впервые Спиридон подает сыну в лодку книги в ученическом ранце, — учись хорошо.

— Тун юш, хорошей, прямой дороги, — Спиридон обнял своего отца.

— Ям вупса, хорошей вам жизни, — ответил Тимофей.

Всю дорогу Тишка смотрит на нескончаемо меняющиеся берега, и такое же бесконечное и разноречивое чувство будоражит его крепнущую душу. Теперь школа его не пугала: он хорошо читал, считал до ста и больше. Наоборот, не терпелось увидеть друзей, не терпелось прочитать что-нибудь Светлане Антоновне... Незаметно явь переходит в крепкий сон. Проснулся он от толчка причалившей к берегу лодки.

— Приехали, однако. Беги, зови бабушку, да коляску возьмите, вона сколько Спиридон всего натолкал, — дед Тимофей показывает на упакованные мешки с рыбой, ягодой, зимней одеждой...

Цветы, цветы, цветы... Громко звучит музыка. Много людей... «Столько в деревне людей нет», — думает Тишка. Во-

круг все празднично: девочки в белых фартучках, с разноцветными бантами. Мальчишки в наглаженных костюмах. Учителя улыбаются, громко что-то кричат друг другу. Дед Тимофей, одетый в наглаженный полосатый костюм, пахнувший комодом, держит Тишку за руку, словно боится потерять в толпе. Тишка плохо помнит, что было потом. Выступали учителя, какая-то старшеклассница, но все говорят громко, непонятно. И только в классе все стало на свои места. Двенадцать первоклашек расселись. Три парты остались на заднем ряду без учеников. Тишке понравилась парта во втором ряду у окна. Рядом сел Васька.

В школе у Тишки все получается легко. Задания делает быстро. Светлана Антоновна нарадоваться не может — лучший ученик в классе. Только пишет Тишка неряшливо. Не хватает терпения выводить буквы, спешит, и тогда буквы наползают друг на дружку, вылазят за пределы строчки.

Особенный день сегодня. Уже не раз до Тишкиного уха долетали таинственные слова: диктант, контрольная... Не только Светлана Антоновна, но и другие учителя сегодня по коридорам ходят серьезные, словно в каком-то ожидании.

— Сегодня мы будем писать первый в вашей жизни диктант, — Светлана Антоновна посмотрела на своих учеников.

Те слушают учительницу внимательно. Еще бы — первый раз диктант.

— Сначала я прочитаю весь рассказ «Боб», а вы внимательно слушайте. Потом я буду медленно диктовать, вы должны записать так, как услышите. Спешить не нужно, все успеем.

Тишка вспомнил, что читал и знает этот рассказ. Он достал книжку, быстро нашел нужную страничку и аккуратно стал переписывать. Светлана Антоновна читала медленно, по

слогам. В конце учебного года хотелось, чтобы у детей были хорошие отметки. Тишка увлекся и уже не слышал голоса учительницы. Он пишет о том, как собака по кличке Боб вынесла из пожара маленькую девочку, потом куклу. Буквы ложатся ровно одна к одной. Тишке хочется написать без ошибок и красиво. Рассказ закончился, он поставил точку. Учительница продолжала диктовать. Раскрыв рот, Тишка смотрит на учительницу, и трепещущее сердце наполняется радостью. Справился!

— Тихон Лямзин, ты почему не пишешь? — строго спросила Светлана Антоновна.

— А я уже написал, — и Тишка широко улыбнулся. Его глаза залучились узкими черточками.

Светлана Антоновна увидела учебник, раскрытый на той же странице, что и у нее. Тишка и не думал прятать его. Она взяла тетрадку, прочитала. Отметила про себя, что Тишка старался.

— Диктант, Тиша, пишется только под диктовку, смотреть в текст нельзя, так что придется тебе завтра снова писать диктант. Ты же не хочешь двойку?

— Нет... — настроение у Тишки испортилось. — Ко мне папа приехал, мы завтра в город собирались...

— Если хочешь, я поговорю с папой, и он перенесет поездку на послезавтра.

— Не нужно, я сам, — Тишка опустил голову.

Всякому своя обида горька... Домой Тишка шел, не замечая ничего. Непослушные ватные ноги сами медленно несли по бесконечной улице. Тишке жаль себя до слез. К горлу подступил противный комок, соленый ручеек липко растекался по щекам. Он вытирал лицо руками, громко шмыгая носом. «Почему? Почему? — спрашивал он себя. — Я же первый написал диктант».

Впереди нечеткими линиями задрожал дом деда. Слезы тепло покатались к подбородку, и дом выровнялся. «Я пойду завтра в школу. Мне нельзя получить двойку. Я ведь хотел сделать лучше всех... Должен же папа понять, что я не хотел обмануть учительницу...» Тишка, уверенный, зашагал вдоль знакомого забора. Из-за угла выбежал знакомый соседский пес Байкал, замахал мохнатым хвостом, подпрыгнул и лизнул соленую щеку.

СОДЕРЖАНИЕ

Горизонты реальности.
О прозе Валерия Михайловского. М.М. Рябий • 5

Души неприкаянные. *Повесть* • 13

О чем думает Кузьма • 84

Зимник • 93

Смертельная мечта • 101

Любимое время года • 112

Тишка • 124

Михайловский В.Л.
М69 Души неприкаянные: Повесть, рассказы. Кн. 1. —
Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. — 144 с.:
ил.

ISBN 5-7529-0772-1

В книге нижевартовского прозаика собраны произведения, героями которых стали коренные жители Тюменского Севера. По словам автора, это простые люди «с непростыми судьбами, заплетенными нашим взъерошенным временем».

ББК 84.Р7

Тиражом предусмотрено 100 экземпляров, пронумерованных от руки.

Экземпляр № _____

Михайловский Валерий Леонидович

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

Повесть, рассказы

Художник Ю.А. Бычков

Редактор Е.В. Черняк

Корректор М.Ф. Худякова

Компьютерная верстка А.Ф. Агзамов

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534,
выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 10.02.2005. Формат 70x100 1/32

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 4,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 730.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано на ФГУИПП «Зауралье»,
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2005